

МЁРТВЫЙ ДИАПАЗОН

ЕВГЕНИЙ ПИНЧУК

Евгений Пинчук

Мёртвый диапазон

«Автор»

2026

Пинчук Е. В.

Мёртвый диапазон / Е. В. Пинчук — «Автор», 2026

В мире Марка всё требует допуска: работа, жильё, лечение, даже право услышать близкого человека. Он ремонтирует сети и отключает запрещённые подключения. Заполняет акты. Ставит галочки. Возвращается домой к жене и детям. Но однажды среди помех появляется голос, которого по официальным данным быть не должно. Марк пытается найти его источник — и постепенно понимает, чью жизнь обслуживает привычный порядок. Любая попытка помочь оставляет след, а расплачиваться за его решения придётся всей семье. «Мёртвый диапазон» — роман-антиутопия о повседневном соучастии, цене послушания и людях, которые пытаются сохранить друг друга там, где человеческую связь считают неисправностью.

© Пинчук Е. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	37
Глава 10	40
Глава 11	43
Глава 12	46
Глава 13	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Евгений Пинчук

Мёртвый диапазон

Мёртвый диапазон

Часть первая

Пинчук Евгений

Глава 1

Женщина попросила две минуты, когда Марк уже снял крышку с распределительной коробки. Стояла у кухонного стола с полотенцем в руках и смотрела на его отвёртку так, как смотрят на иглу перед уколом. На полотенце был вышит жёлтый плод с листьями. Марк не знал, растут ли такие ещё где-нибудь: в доставке их не было, а на картинках для детей они всегда улыбались.

— Я закончу, — сказала женщина. — Только не выключайте пока.

Денис остался в дверях. Пропустив Марка, он зацепился сумкой за косяк и теперь про-верял, не порвался ли боковой карман. Их служебные сумки выпускал трудовой округ девят-надцать, прежде знаменитый насосами. После перепрофилирования в сумках остались от насосов только вес и способность пропускать воду. Денис написал об этом производителю и получил благодарность за участие в повышении качества.

— Мы вас не торопим, — сказал он женщине. — Вы только от стола отойдите. По инструкции.

На столе лежал гибкий экран размером с разделочную доску. Его края прижали сахар-ницей и катушкой ниток; через изображение ползли мутные полосы. Молодой мужчина что-то говорил, наклоняясь к камере, потом отступил и поднял девочку в длинной зелёной рубашке. У неё были мокрые волосы, а между передними зубами темнел просвет. Она совала в камеру палец.

Марк посмотрел на индикатор. Плотность внешнего потока была небольшой. Никакого нейронного сопряжения в квартире он не обнаружил: только древний бытовой преобразо-ватель, спаянный с акустической рамкой. Через такой прибор нельзя было подать прямой импульс в кору, даже если бы человек приложил его к голове. Можно было показать картинку. Именно картинку им предстояло выключить.

— Это прямое подключение? — спросил он.

Женщина кивнула. Из-за узла домашних отходов на лестничной площадке тянуло пре-лой кожурой; кухонное окно открывалось в служебную шахту и не помогало. Марк присел возле коробки. Колено сразу обожгло, пришлось опереться ладонью о стену. Краску недавно протёрли чем-то едким, и пальцы стали липкими.

— Кто устанавливал?

— Я сама.

Она сказала это слишком быстро. Под ногтями у неё был прозрачный лак, один ноготь расколот у основания. Такие руки Марк видел у своей тёщи: ими можно было зашить под-одеяльник, очистить рыбу, держать человека, пока тот умирал, но припаять экранированную дорожку толщиной с волос ими было трудно. Он не стал переспрашивать. Вопрос об установ-щике был добровольным, если не ставить в форме вторую галочку.

Экран хрипнул. Девочка произнесла что-то на другом языке, мужчина засмеялся и сказал уже разборчиво:

— Мам, она спрашивает, у тебя тоже выпадали?

Женщина дёрнулась к столу, как будто её окликнули из соседней комнаты.

— Конечно, выпадали. Скажи ей, конечно. Все выпадали, потом новые...

Речь распалась на металлическое потрескивание. Марк повернул ручку диагностиче-ского прибора: узкий пик на шкале стал выше. В таких домах сигнал часто приходил через ста-рые несущие тросы, превращавшие целую башню в плохую антенну. Поймать его было трудно, оборвать легко. Он нашёл обходной провод, проведённый под трубой, и просунул под него кусачки.

— Кто это? — спросил Денис.

— Сын.

— Вы уверены?

Женщина посмотрела на него впервые. Марк выпрямился, чтобы разгрузить колено, и увидел своё отражение в чёрном холодильнике: тёмная куртка, седина у висков, живот, который уже нельзя было назвать временным. Рядом с отражением висела детская открытка. Четыре кривых человечка держались за руки над надписью «Мирный дом — крепкая страна». Такие открытки Лея приносила лет десять назад.

— Ему тридцать восемь, — сказала женщина. — У него шрам вот тут. Я сама его в больницу возила. Он упал с погрузочной лестницы, ещё маленький. Вы хотите, чтобы он показал?

— Не нужно, — ответил Марк.

Денис уже смотрел в планшет. Пальцы у него были короткие, с обкусанными ногтями; по выходным он собирал для дочери кукольный дом, и под одним ногтем осталась белая грунтовка.

— Ваш сын указан как погибший при аварии транспортного судна. Двенадцать лет назад. Вы получали компенсацию.

— Получала.

На экране мужчина перестал улыбаться. Он всматривался во что-то за плечом матери и, видимо, видел обе куртки. Девочка всё ещё пыталась показать зуб. Мужчина убрал её руку и прижал к себе.

— Мам, кто там?

— Мастера, — сказала она. — У нас опять проводка.

Марк свёл рукояти. Провод оказался мягким, медным, с настоящей резиновой оболочкой. На секунду изображение очистилось. Мужчина открыл рот; за его плечом было видно дерево за окном, низкое, широкое, с опорами под ветвями. Потом экран погас.

Женщина не сразу поняла. Дотронулась до угла экрана, провела по нему ладонью, попробовала приподнять сахарницу. Марк держал в пальцах два обрезанных конца и думал, куда положить кусачки, чтобы не испачкать стол. Она вдруг присела рядом, взяла один конец, затем другой.

— Так соедините, — сказала она. — Вы зачем это? Так же было.

Она прижимала жилы друг к другу. Подала напряжение, и маленькая искра укусила ей большой палец. Она выругалась негромко, почти извиняясь, и попробовала снова.

— Не трогайте, — сказал Марк. — Здесь питание.

Он поймал её за запястье. Кожа была сухая, лёгкая, словно рука внутри уменьшилась, а кожа осталась прежнего размера. Женщина попыталась вырваться, но не смотрела на него, смотрела туда, где ещё минуту назад был сын.

Денис произнёс в воротник служебный код. Из комнаты выкатился старый уборщик, ткнулся в ногу Марка и терпеливо загудел: на полу было обнаружено загрязнение. Марк убрал ботинок. Машина всосала обрезок изоляции и уехала.

Пока ждали группу, он заполнял акт. Адрес подставился автоматически. Башня восемьсот четырнадцать, жилая секция шесть, уровень сто девять. В поле «Способ организации доступа» он выбрал «несанкционированная модификация распределительной сети». Поле «Предполагаемое воздействие» потребовало ответа. Без ответа акт не закрывался. Марк указал «установление ложной родственной связи».

— У вас ещё кто-нибудь есть? — спросил он.

Женщина сидела за столом, сложив полотенце вчетверо. Она несколько раз пригладила сгиб, прежде чем ответить:

— А вам зачем?

Вопрос был разумный. Марк не нашёл, что сказать. На экране его прибора появилось предупреждение: «Задержка завершения повышает риск повторного воздействия». Он поставил ещё одну галочку.

Пришли двое в сером и медицинский андроид с мягкой человеческой головой. У андроида было лицо усталой женщины лет пятидесяти; такое лицо обычно ставили на устройства, предназначенные для пожилых. Пока один сотрудник проверял документы, другой дал хозяйке пакет для вещей. Андроид предложил ей воду. Она спросила, куда её повезут.

— На оценку состояния, — сказал сотрудник.

— Надолго?

— Это определяют специалисты.

— У меня полив завтра. Тут цветок.

Сотрудник добавил отметку в форму. Марк видел: «Бытовые обязательства учтены». Никто не подошёл к подоконнику. В горшке росло что-то длинное и мясистое, с бледной полосой по краю листа.

Перед выходом женщина вернулась к столу. Один из сотрудников взял её под локоть, но она показала на чайник. Тот разрешил. Она выключила подогрев, убрала чашку в мойку и только после этого дала увести себя. Андроид катился следом и сообщал, что сопровождаемой доступна эмоциональная поддержка.

В лифте Денис снял куртку. Под мышками у него потемнела рубашка.

— Хорошо ещё без агрессии, — сказал он. — Вчера у второй смены дед с вилкой пошёл. Восемьдесят лет, а проколол защиту. Ребята потом объяснительную писали, почему допустили.

На стене лифта проплывала реклама отдыха во внутренних климатических округах. На белом берегу стояла женщина с ребёнком, за их спинами поднималось море, похожее на разлитую краску. Над ними было написано: «Вся планета начинается дома». Внизу мелким шрифтом сообщалось, что использование берега включено в стоимость при наличии допуска к водной среде.

— Сын же может быть, — сказал Марк.

Денис посмотрел на него поверх расстёгнутого воротника.

— Может. Откуда нам знать?

Лифт замедлился на перегрузочном уровне. За стеклом открылись серые площадки, по которым ползли тележки со сменными аккумуляторами. Дальше, между башнями, висела очередь воздушных машин. На крышах краснели огни экранных узлов; день был влажный, и их свет растворялся в низких облаках.

— Если может, зачем ты ей сказал про компенсацию?

— Потому что она её получала. Теперь выяснится, что он живой, заставят вернуть. Я ей услугу сделал, между прочим. Пусть не говорит всем подряд.

Марк убрал планшет в сумку. На нём ещё горела последняя строка акта. Он нажал «Завершить», и отчёт стал недоступен для изменения. Источник нейтрализован. Пострадавших нет.

Внизу их ждал служебный подъёмник. Денис сбегал за едой, купил два горячих свёртка с белковой начинкой и один отдал Марку. На бумаге стоял лозунг недели: «Защита требует участия». Под ним проступило жирное пятно.

Следующий вызов был обычным. В школьном зале от сырости пробило соединение внутренней акустики с экранным контуром. Директор требовала справку, что дети не подверглись воздействию; дети в это время лупили друг друга мягкими палками под руководством воспитательного робота. Марк заменил блок. Денис нашёл в школьном шкафу коробку старых разёмов, получил разрешение на списание и отложил один для Тима.

К шести вечера колено распухло. Марк запил таблетку остывшим кофе, пересмотрел список закрытых заявок и обнаружил, что заработал надбавку за оперативность. Её размер

позволял купить сыну хороший привод для механической лапы. На домашнем терминале привод стоил чуть дешевле, но доставляли его только после трёх дней подтверждённого присутствия покупателя. В магазине Марк переплатил и получил маленькую коробку сразу.

Продавец-андроид попросил оценить обслуживание. Марк поставил высший балл. Машина поблагодарила его за помощь в сохранении рабочего места.

Он вышел на переход и некоторое время стоял под тёплой струёй вентиляции, держа коробку в ладони. Внизу, за прозрачным ограждением, рабочие ждали посадки на грузопассажирские платформы. Их пропускали рядами: сначала считывали трудовой допуск, потом территориальный, потом подтверждение оплаты. У последнего ряда возникла задержка. Человек в светлой куртке несколько раз подносил запястье к панели и смеялся, показывая соседям, что машина опять не хочет его узнавать. Соседи по одному проходили дальше, и вскоре он смеялся уже один.

Марк положил коробку в карман и пошёл домой. Вечером Тим раскрыл упаковку кухонными ножницами, от восторга забыл убрать обрезки и просидел над своим животным до половины десятого. Получив привод, зверёк сумел подтянуть к себе заднюю лапу. Раньше она просто волочилась по полу.

— Теперь он не больной, — сказал Тим.

Марк хотел ответить, что машина не бывает больной, но сын уже подполз к нему и положил зверька на колено. Тёплый моторчик задрожал сквозь брюки. Марк придержал корпус, чтобы игрушка не упала, и сказал, что получилось хорошо.

Глава 2

Нина проснулась раньше будильника и долго лежала неподвижно, пока Марк искал ногой тапок. В квартире было прохладно: ночной режим отопления ещё не закончился. Под одеялом пахло их телами и мазью, которой он накануне натёр колено. Она знала этот запах лучше запаха собственных духов, хотя мазь терпеть не могла.

— У мамы перенесли обследование, — сказала она.

Марк сел на край кровати. Тапок лежал под комодом, и он никак не мог подцепить его носком.

— На когда?

— Пока ни на когда. Пересмотрели категорию срочности.

— Ты же сама эти категории...

— Я сама знаю, что я делаю.

Он замолчал. Дверь гардероба светилась по контуру: система напоминала, что комплект служебной одежды готов к выдаче. Он приложил запястье к замку. Дверь открылась, внутри коротко пахло горячим воздухом. Куртку после вчерашней квартиры он сдал на обязательную обработку, но на манжете осталась тёмная точка. Возможно, краска со стены. Возможно, кровь с расколотого ногтя. Он потёр ткань большим пальцем и надел рубашку.

На кухне домашний помощник Сава резал хлеб. У него было белое лицо без возраста и маленькая морщина между бровей, предназначенная, вероятно, изображать сосредоточенность. Сава умел готовить, стирать, провожать ребёнка до подъёмника и поднимать с пола взрослого весом до ста десяти килограммов. Пакет ухода за пожилыми в их тариф не входил. Когда тёща приезжала и ей становилось трудно встать с дивана, Сава предлагал оформить разовую услугу.

Над столом шёл обратный отсчёт до семи. Домашний терминал был включён, но вместо страниц показывал серый круг с замком. В семь круг размыкался, в восемь замыкался снова. Второй час давали с двадцати до двадцати одного. Ровно два часа в сутки, без переноса: если проспал утром или застрял на работе вечером, твой час считался предоставленным.

Даже в эти часы наружу ничего не открывалось. В закрытом интернете Вельта можно было читать разрешённые издания, покупать, смотреть передачи, переписываться с другими жителями. Адреса внешнего мира не выдавали ошибки. Поиск просто не находил того, о чём спрашивали. Тим пока думал, что словом «интернет» называют этот набор страниц. Марк в его возрасте думал так же.

Платёжный считыватель и Сава работали круглосуточно, но через них нельзя было открыть страницу или написать человеку. Рабочие терминалы тоже не засыпали; на них оставались только служебные формы. Когда Нина обзванивала пациентов после смены, она входила в ведомственную линию, где каждый вызов записывался и должен был соответствовать карточке. Позвонить с неё матери, спросить, поела ли, означало отдельное нарушение. Марк однажды посоветовал завести на мать карточку. Нина спросила, готов ли он объяснить при проверке, откуда у него диагноз.

— Сколько теперь? — спросил Марк, кивнув на хлеб.

— Состав не изменился, — ответил Сава.

— Я про цену.

— Стоимость соответствует обновлённой продовольственной категории вашего домохозяйства.

— Так сколько?

Сава назвал число. Часы над столом показали семь ноль одну. Марк открыл баланс. Ночью пришла зарплата, и ещё можно было увидеть поступление до удержаний: восемьде-

сят шесть тысяч четыреста цифр. Затем шли жильё, энергия, обслуживание общей оболочки здания, образование Леи, питание Тима в школе, базовая медицина, расширенная медицина, транспортная готовность, поддержание индивидуального расчётного профиля. Последнее стоило больше, чем новая деталь для игрушки. Марк однажды спросил, что именно поддерживается. Ему прислали четыре страницы о непрерывности расчётного профиля.

После утренних списаний оставалось семь тысяч девятьсот. Ещё вчера он думал, что получит около десяти. Внизу обнаружилась новая строка: «Авансовый взнос в фонд устойчивого снабжения». Рядом стояла зелёная плашка «Ваше участие подтверждено».

— Нас уже поблагодарили, — сказал он Нине, когда она вошла. — Приятно просыпаться нужным человеком.

Она набрала воду и выпила стоя, двумя глотками. Под глазами была припухлость, на щеке след от наволочки. В молодости Марк любил разглядывать эти следы. Теперь ему казалось неприличным, что он их замечает.

— Сколько сняли?

Он показал экран. Нина задержала взгляд на покупке привода.

— Тиму не говори, — сказал Марк.

— Я и не собиралась. За обеды надо доплатить до пятницы. И у Леи практика. Ей нужны настоящие ботинки, там площадка снаружи.

— У неё же есть.

— Те не проходят проверку сцепления. Её не пустят.

Лея появилась в дверях уже одетая. Она была высокая, сутулая, с волосами, которые второй месяц пыталась отрастить после неудачной стрижки. За ухом мигал учебный датчик: дочь включила сохранённое повторение курса ещё до завтрака. Новые материалы она выгружала утром, стараясь успеть до восьми.

— Я могу взять прокатные, — сказала она.

— Мы купим, — ответила Нина.

— Да зачем? У всех прокатные.

У Леи был тот деловой, терпеливый голос, которым молодые объясняют родителям устройство вещей. Марк подвинул ей тарелку. Она села, выключила датчик, взяла хлеб. Лицо её ещё не вполне проснулось, но взгляд уже был настороженным: утренние разговоры о деньгах неизменно заканчивались тем, что отец говорил что-нибудь лишнее.

В стене зажёгся экран. Его нельзя было совсем отключить в часы обязательного информирования, зато можно было уменьшить звук до уровня вытяжки. Сава сам устанавливал нужную громкость. На экране мужчина с тяжёлой челюстью рассказывал об иностранных лётных аппаратах у морской границы. Изображение сменилось записью без даты: белая точка шла над тёмной водой, за ней тянулся квадрат захвата.

— Не устают, — сказал Марк. — Столько лет летают, а посмотреть у нас всё никак не могут.

Лея положила хлеб.

— Ты же сам работаешь в защите.

— Поэтому и знаю, как трудно посмотреть.

— Не смешно.

Он мог объяснить, что не отрицал угрозу, что на морской границе действительно происходили инциденты, что сам обслуживал оборудование, сгоревшее от внешнего импульса. Но за объяснением пришлось бы признать, что шутил только потому, что устал слушать один и тот же голос, а это было слишком незначительной причиной для её серьёзного раздражения.

Тим пришёл с механическим зверьком и спросил, разрешается ли взять его в школу. Сава немедленно сообщил о запрете на самостоятельные устройства без сертификата образовательной совместимости. Тим сказал, что спрашивал не его.

— Я тоже не разрешаю, — ответил Марк. — У него лапа плохо закреплена. Вечером доделаем.

Сын проверил лапу, обиделся, что отец прав, и пошёл одеваться. Лея посмотрела на часы. Она всегда выходила на семь минут раньше рекомендованного времени: так удавалось пройти подъёмники до первой плотной очереди.

— На практике будут смотреть семьи, — сказала она, застёгивая сумку. — Не только оценки. Пожалуйста, если тебе пришлют подтверждение, заполни сразу. В прошлый раз ты неделю не отвечал.

— Заполню.

— И без шуток в свободном поле.

— Там специально поле для свободного ответа.

— Папа.

Он поднял руки. Она ушла, не поцеловав его, и он услышал, как за дверью её приветствовал подъездный модуль. Он помнил, когда дочь впервые сама прошла до школы. Тогда они с Ниной следили за маленькой точкой на плане, а Лея, вернувшись, сказала, что город очень большой. С тех пор радиус её самостоятельных перемещений вырос на четыре станции.

В семь двадцать Марк открыл расшифровку нового удержания. До выхода оставалось двадцать минут. Нина собирала Тиму еду, и он хотел успеть оспорить взнос, пока она не вернулась к разговору о ботинках. На странице стояла большая зелёная кнопка согласия и маленькая ссылка на обращение. Ссылка открывала пояснение, пояснение предлагало выбрать тему. Среди тем были благодарность, уточнение и сообщение о технической неисправности.

Он выбрал уточнение. Страница спросила, какие сведения остались ему непонятны. Марк написал, что деньги списали без согласия. Слово «согласие» подчеркнулось: обязательный взнос не требовал отдельного подтверждения. Он стёр фразу и написал, что хочет вернуть деньги.

— Ты сейчас начнёшь, — сказала Нина за спиной.

— Я только спрошу.

— Тогда спроси ещё, почему с меня сняли. У нас одно домохозяйство, а участие два раза.

Он проверил её начисление. Сняли действительно с обоих, хотя в обосновании говорилось о распределении нагрузки на домохозяйства. Марк почувствовал облегчение: вот она, ошибка, конкретная, не нужно спорить со всем порядком. Скопировал оба номера, приложил снимки. Поддержка потребовала подтвердить совместное проживание. Подтверждение нашлось во вкладке жилья, но после перехода черновик обращения исчез.

Марк выругался. Нина сказала, что ей пора. Тим стоял в прихожей, уже вспотевший в застёгнутой куртке. Марк поднял голову, увидел на часах семь сорок шесть и сказал, что догонит их.

Во второй раз он заполнял быстрее. Номера, снимки, совместное проживание. Появился номер очереди: сто восемьдесят второй. Под ним было обещание рассмотреть запрос при первой возможности. Чтобы место не сбросилось, требовалось оставаться на странице.

Денис позвонил в семь пятьдесят две. Он уже был на площадке.

— Сейчас, — сказал Марк.

— У нас вылет. Ты опять ногу мажешь?

— Заявку отправляю.

— В машине отправишь.

В машине можно было пользоваться закрытым интернетом, пока шёл разрешённый час, но переход на другой терминал сбрасывал ожидание. Марк сказал, что идёт, и остался. Очередь дошла до сто семьдесят девятого. В семь пятьдесят девять экран сам предложил сохранить время для семьи: до завершения утреннего окна оставалась минута.

Он смотрел, как секунды исчезают одна за другой. Попробовал отправить обращение без оператора. Кнопка оказалась недоступна во время ожидания. Нужно было выйти из очереди, подтвердить выход, вернуться в черновик. На втором подтверждении круг замкнулся.

На экране возникло пожелание продуктивного дня. Марк нажал несколько раз, хотя знал, что это бесполезно. Затем закрыл устройство и побежал. В подъёмнике увидел, что на рубашке осталось пятно от хлебной начинки: ел над терминалом и не заметил.

Денис ничего не сказал при посадке. Только запустил маршрут и показал на служебном экране три минуты опоздания. За них удерживали больше, чем долю утреннего взноса. Марк пристегнулся, попытался стереть пятно влажной салфеткой. Денис отдал ему свою, нераспечатанную.

— Ну что, вернули?

— Вечером допишу.

Вечером Марк уже знал, что не допишет. Понадобятся покупки, семейная форма для Леи, подтверждение перевозки тёщи, сообщения, на которые не успел ответить утром. Два часа казались небольшим сроком только тому, кто не пробовал прожить в них всё, что требовало связи.

На следующее утро Нина собирала волосы перед отражением в потемневшей части экрана. Ведущий уже говорил о готовности страны. Шестнадцать миллионов граждан объединены общим пониманием ответственности. Внизу шла строка о временном ограничении внешних перемещений. Марк родился в период ограничения. Его отец родился в период ограничения. В старом семейном хранилище была фотография деда на морском судне, но Нина считала, что это внутренний маршрут, и Марк не спорил: названия порта он всё равно не помнил.

— Я сегодня задержусь, — сказал он.

Нина закрепила волосы шпилькой.

— У вас опять переработки?

— Проверка блока на западной линии.

— Тогда сам объясни Тиму про лапу.

Он объяснил. Сын слушал, глядя в пол, и попросил оставить маленькую отвёртку. Марк отказал, потом разрешил пользоваться ею при Саве, потом понял, что Сава зафиксирует самостоятельное изменение устройства, и сказал просто подождать до завтра. К выходу он уже чувствовал себя человеком, который весь день виноват, хотя ещё никуда не пришёл.

На сборной площадке Денис пил что-то из прозрачного стакана. У него с утра было хорошее настроение: дочери наконец разрешили дополнительные занятия в бассейне. За это пришлось подписать семейное обязательство посещаемости на два года, зато взнос пересчитали в льготную сторону.

— Если заболит? — спросил Марк.

— Дадут медицинское освобождение.

— А если ей надоест?

— Ты умеешь испортить человеку радость. Не надоест, она сама хотела.

Они поднялись в служебную машину. Пилотный модуль принял маршрут и встал в воздушную очередь. За окном проплывали окна других машин, в них люди завтракали, брились, смотрели в свои маленькие экраны. Одна женщина спала, прижав лоб к стеклу. На детском кресле рядом с ней сидел пустой защитный чехол для младенца. Марк некоторое время не мог перестать смотреть, пока машины не разошлись по разным ярусам.

Первые три заявки закончились до полудня. В складском коридоре искали несуществующую утечку, которую вызвала неисправная контрольная пластина. Потом переехали на верхнюю платформу перерабатывающего комбината. Там внешний пик появлялся раз в сорок секунд, был узким, чистым и приходил со стороны государственного магистрального узла.

Марк измерил направление дважды. Ветровая защита гремела, у Дениса текли глаза; он ругался и держал над разъёмом ладонь, чтобы туда не летела пыль. На схеме узел был обозначен как полностью изолированный.

— Смотри, — сказал Марк.

Денис наклонился к прибору.

— Отражённый.

— Откуда?

— Оттуда. — Он показал на дальние грузовые сооружения. — Или оттуда. Ты полдня хочешь углы считать? Там допуск другой. Пиши в центральную службу.

Марк отослал запрос. Ответ пришёл раньше, чем он успел убрать защитный колпачок: «Контрольная модуляция. Вмешательство не требуется». В заголовке ответа стоял идентификатор службы, которой не было в его рабочем перечне. Он сохранил измерение в локальную память. На всякий случай. Так он делал с редкими неисправностями, чтобы потом не объяснять, почему не заметил.

Вечером он высадил Дениса возле пересадочного узла и перевёл машину на ручной выбор назначения. Западная линия существовала, но не нуждалась в проверке. Марк заказал санитарную стоянку на час, сдал машину и спустился к пешеходной галерее. До дома Ивы было девятнадцать минут, если проход между старым киноцентром и распределителем белья не закрыли.

Проход был открыт. В нём пахло горячей тканью и мокрым бетоном. Марк купил два напитка в автомате, потом подумал о балансе, вернул один и сразу разозлился на себя. Ива всё равно не любила сладкое. Он не понимал, зачем купил бы ей то, чего она не любила.

Глава 3

На школьный день открытого контура их вызвали обоих. Приглашение было составлено так, будто родители сами попросили о встрече: «Подтверждаем ваше участие в обсуждении образовательного будущего ребёнка». Нина попыталась перенести на следующую неделю, получила отказ, затем на работе ей выдали освобождение на три часа. Из этих трёх часов дорога забирала два с небольшим. Марк предложил забрать её служебной машиной. Для поездки с ребёнком она не годилась, но родительское участие считалось производственно значимым перемещением. Диспетчер одобрил маршрут, не задав ни одного вопроса о том, что именно там будут обсуждать.

Тим ждал возле входа с прозрачной папкой. Другие дети держали такие же. Внутри лежали рисунки, результаты заданий и маленькие листы с отпечатками ладоней. Нина увидела последнюю работу сына: существо на четырёх неровных лапах, очень похожее на его домашнего зверька. Над существом по заданию нужно было написать, чем оно полезно стране. Тим написал: «Если одиноко, оно ходит рядом».

— Сам придумал? — спросила она.

Он кивнул и сразу пояснил, что учительница поправила слово. В первой версии было «грустно». Грусть относилась к состояниям, требующим выяснения причин, а одиночество могло быть временным бытовым обстоятельством. Поэтому «одиноко» разрешили оставить.

В вестибюле стоял низкий стол, на котором показывали, как формируется профессиональная рекомендация. Маленькие человечки на экране выбирали инструменты, проходили задания, росли и занимали места у нарисованных станков. Над станками появлялись зелёные сердечки. Нина приложила запястье, но стол предложил только демонстрационный просмотр. Данные конкретного ребёнка показывали внутри, после подтверждения согласия.

— На что согласия? — спросила она.

Сотрудница у входа улыбнулась. На одном из передних зубов у неё темнел край плохо подобранной накладки.

— На ознакомление с рекомендациями.

— Чтобы ознакомиться, нужно согласиться?

— С обработкой. Вы же уже подписывали при поступлении. Это подтверждение актуальности.

Марк заметил, как Нина набирает воздух для следующего вопроса, и легко коснулся её локтя. Она посмотрела на его руку. Он убрал. Сотрудница продолжала улыбаться, но уже смотрела на следующую семью. Позади них стояли мужчина в форме очистного предприятия и женщина с ребёнком на руках. Ребёнок пытался снять с матери серёжку; та терпела, потому что обе руки были заняты пакетом вещей и маленьким телом.

В классе пахло нагретым полимером. На столах лежали вымытые наборы: щипцы, кубики с разъёмами, цветные пластины. Марк сел на детский стул и сразу понял, что вставать с него будет трудно. Нина устроилась рядом. Тим поставил папку перед собой, выровнял по краю стола и сложил руки так, как требовалось на общих просмотрах.

Учительница начала с успехов группы. Показывала снимки: дети сажали семена в вату, дети держали модели мостов, дети стояли у памятной стены с именами погибших на внешних рубежах. На последнем снимке Тим был закрыт чужой головой. Нина некоторое время пыталась найти его, затем отвернулась к настоящему сыну. Он следил за экраном с таким напряжением, будто от того, куда смотрит сейчас, тоже зависела оценка.

— Мы не ограничиваем выбор, — сказала учительница. — Мы помогаем избежать неудачного выбора. Дети ещё не всегда понимают, что принесёт им пользу во взрослой жизни.

Родители кивали. Мужчина с очистного предприятия поднял руку и спросил, можно ли перевести сына на другую группу, ближе к дому. Учительница ответила, что расположение группы соответствует направлению развития. Мужчина попытался объяснить, сколько времени уходит на дорогу. Она предложила подать заявление в транспортный раздел. На экране за её спиной дети продолжали стоять возле памятной стены, не зная, что кто-то использует их фотографию, пока взрослый не может договориться о дороге до школы.

Потом раздали индивидуальные результаты. У Тима хорошо получались пространственные задачи и восстановление нарушенных связей. Он хуже распознавал последовательности социальных ролей. В одном тесте требовалось расставить по порядку действия семьи при получении защитного уведомления. Тим поставил «помочь старому человеку подняться» раньше «занять установленное место». За это снизили балл.

— Он подумал про бабушку, — сказала Нина.

— Конечно. Мы учитываем семейные обстоятельства.

— Но бабушка сама не встанет.

— В реальной ситуации ей поможет назначенный сопровождающий.

— А если она дома?

Учительница посмотрела в карточку. Лицо её стало немного усталым.

— Здесь абстрактная ситуация. Мы проверяем понимание инструкции. Не способность оказать помощь бабушке.

Марк видел, как Тим опускает голову. Хотел сказать, что сын всё сделал правильно, но это превратило бы мальчика в предмет их спора с учительницей. Поэтому сказал, что дома они ещё раз разберут задание. Тим поднял глаза, и Марк понял, что сын услышал в этом другое: папа тоже считает ответ неправильным.

Практическая часть состояла в сборке маленького подъёмного устройства. Дети должны были руководить, родители выполнять указания. Тим объяснял быстро, показывал на нужные части, поправлял отца, когда тот брал не тот разъём. Марк нарочно ошибся только в первый раз. Вторую ошибку сделал сам: с детского места плохо видел метку. Тим рассердился, затем остановился и предложил развернуть устройство к свету. Учительница отметила что-то у себя.

У соседнего стола ребёнок всё время говорил матери «не так». Она переставляла кубики, у неё тряслись пальцы. Отец в форме очистного предприятия сидел неподвижно. Наконец он забрал деталь и поставил сам, молча, с силой. Датчик выдал ошибку. Ребёнок начал плакать. Мужчина сказал, что это дурацкая игрушка, потом сразу поднял голову, проверяя, кто услышал.

Учительница подошла к ним. Говорила тихо. Через минуту мать подписала что-то на её экране. Отец встал и вышел в коридор. На детском столе осталось недостроенное устройство, напоминавшее ловушку для мышей. Марк отвернулся, потому что поймал себя на желании подсмотреть фамилию семьи.

Их собственный подъёмник заработал. Тим поднял маленькую грузовую площадку, опустил, снова поднял. На экране вспыхнуло: «Совместная задача выполнена». Нина улыбнулась сыну. Он улыбнулся в ответ, но продолжал держать пальцы возле кнопки, ожидая, не нужно ли сделать что-нибудь ещё.

После занятия Марка и Нину пригласили к консультанту. Тима увели в общую игровую комнату. Консультант был молодым, с гладкими ладонями. На столе стоял стакан с чайным пакетиком, который давно перестал окрашивать воду. Он объяснил, что технические склонности мальчика позволяют расширить практическую нагрузку. Дополнительные занятия проходили два раза в неделю, в другой башне. Семья получала транспортную скидку.

Нина спросила, обязательно ли соглашаться. Консультант ответил, что отказ не ограничивает базовое образование. Марк уже научился слышать слово «базовое». Оно появлялось

там, где человеку собирались оставить ровно столько, чтобы он не мог сказать, что ему совсем ничего не дали.

— А потом можно перестать? — спросил он.

— Нужно понимать причину. Если ребёнок перегружен, корректируем. Если изменилась семейная ситуация, рассматриваем. Просто прекращать нежелательно: места планируются заранее.

— А если ему не понравится?

— Обычно детям нравится то, что у них получается.

Консультант развернул соглашение. В нём было четыре страницы. Первые две описывали материалы и безопасность. На третьей родители подтверждали содействие выбранной траектории. На четвёртой перечислялись возможные удержания при неисполнении графика. Нина прочитала сумму и перевела взгляд на Марка.

— Мы дома обсудим.

— Конечно. Подписать можно до конца вечернего окна. Потом группа закрывается.

Марк спросил, когда она откроется снова. Консультант сказал, что на следующий учебный период, но состав предложений изменится. За дверью кто-то двигал стулья. Детское занятие закончилось, помещение готовили к следующей группе. Консультант уже собрал их бумаги в ровную стопку и положил пальцы сверху, показывая, что встреча завершена.

Тим бежал по галерее впереди них. Папка билась о ногу, края листов внутри разъехались. На подходе к подъёмнику он остановился и спросил, возьмут ли его в мастерскую. Нина посмотрела на Марка. Марк сказал, что сначала нужно узнать расписание.

— Они же дали расписание, — ответил Тим.

— Посмотрим вместе.

— Я хочу.

Он произнёс это обиженно, как будто родители удерживали его от удовольствия. Марк вспомнил, как любил отцовскую мастерскую, тяжёлые инструменты, настоящий свет над верстаком. Если бы его самого в девять лет позвали туда дважды в неделю, он тоже не стал бы слушать разговоры о соглашении. Он взял сына за руку и сказал, что они обязательно разберутся.

В машине Нина молчала. Потом попросила остановить у аптеки, чтобы взять лекарства до конца льготного срока. Марк показал на разрешённый маршрут: остановка не входила в родительское освобождение. Оба посмотрели на экран. До возвращения Нины на работу оставалось одиннадцать минут.

— Потом, — сказала она.

Тим сидел сзади и читал перечень инструментов в мастерской. Иногда называл незнакомое слово, и Марк объяснял. По дороге сын узнал, что такое люфт, допуск и заусенец. На слове «допуск» Нина тихо засмеялась, но, когда Марк повернулся, уже смотрела в окно.

Соглашение они подписали в двадцать пятьдесят шесть. Обсуждали не содержание, а то, кто будет забирать сына после работы. Тим сидел в комнате, не ложился, пока не узнал ответ. Когда услышал, что пойдёт, выбежал на кухню и обнял их обоих. Марк держал его за спину и чувствовал, как под футболкой быстро стучит маленькое сердце.

Когда сын ушёл спать, Марк ещё раз открыл соглашение. Оно уже было принято. Подпись больше не выделялась цветом, и отменить её в этом окне было нельзя. Он закрыл документ, не разбудив Нину.

Глава 4

Нина начинала приём с тех, кто звонил повторно. Не потому, что их состояние было тяжелее, а потому, что повторное обращение ухудшало показатель разрешения вопросов. У человека, который ещё не звонил, вопрос мог существовать сколько угодно. На экране он появлялся только после регистрации. Поэтому начальница просила сотрудников быть внимательнее к первичным формулировкам: лишний вопрос, внесённый в карточку, требовал лишнего решения.

Первый мужчина говорил очень тихо. Нина прибавила звук, потом убрала: слышно стало не лучше, только ближе. За его плечом работал кислородный аппарат. На столе стояла миска с недоеденной кашей, а рядом лежали ножницы с раскрытыми концами. Он объяснял, что больше не может сам менять трубку. К нему приходила соседка, но соседку перевели в другую смену. Нужно было назначить помощника.

В карточке имелось назначение помощника: два раза в месяц. Мужчина просил два раза в неделю. Разница составляла шесть посещений. Нина открыла расчёт и поняла, что сумма удержания почти равнялась его выплате по нетрудоспособности. Она могла повысить категорию, если получит подтверждение врача. Врач принимал удалённо. Чтобы оценить состояние, ему требовалось, чтобы пациент встал, прошёл несколько шагов и показал датчик дыхания.

— Вы сможете встать? — спросила Нина.

Мужчина смотрел на неё. Потом перевёл взгляд на ножницы.

— Если встану, вы скажете, что мне не надо помогать?

— Не я решаю.

Она произнесла это раньше, чем успела остановиться. Мужчина кивнул с видом человека, который услышал знакомое. Нина попросила оставить соединение. Служебный вызов не относился к его утреннему часу, но только пока она держала карточку открытой. Если он отключится, сам позвонить сможет лишь вечером. Она поставила консультацию на срочный просмотр и написала врачу, что демонстрация ходьбы может быть опасна.

Ответ пришёл через четыре минуты. «Дистанционная оценка без функциональной пробы неинформативна». Врач не был плохим. Нина знала его лично, они учились на одном курсе повышения квалификации. Когда-то он остановил у неё кровотечение из носа холодной салфеткой, которую принёс из туалета, и сидел рядом, пока не прошло. Сейчас он вёл одновременно восемь удалённых просмотров и отвечал теми фразами, которые успевал выбрать.

— Я поставлю дополнительный визит, — сказала Нина мужчине. — Один. Пока так.

Он спросил, сколько удержат. Она назвала сумму. Дальше он молчал так долго, что Нина проверила, не пропала ли связь. Затем сказал, что обойдётся. Она попыталась объяснить, что можно разбить платёж. Он ответил, что от этого денег не прибавится, и попросил закрыть вопрос.

В карточке для такого случая существовал пункт «Гражданин отказался от предложенной помощи». Нина навела палец, потом открыла примечание и вписала стоимость. Программа предупредила, что свободное пояснение не влияет на итоговую классификацию. Она сохранила всё равно. Потом выбрала отказ. Другого подходящего пункта не было.

В соседней кабинке сотрудница по имени Села разговаривала с матерью младенца. Голоса матери не было слышно, только Селу: «Не кладите ничего в рот. Не кладите. Подложите под плечо, а не под голову». За разделителем кто-то кашлял, и из-за кашля Нина не сразу поняла, что у Селы закончилась карточка, а она всё продолжает говорить. На экране у той горело красное: лимит консультирования превышен.

После вызова Села сидела неподвижно. Потом попросила у Нины воды.

— Дышит? — спросила Нина.

— Да. Но она там одна. Робот не пускает к ребёнку: мать в ограниченном допуске, а няня не отвечает.

— Что за ограничение?

— Не знаю. Она поссорилась с кем-то. Робот считает, что контакт противопоказан до оценки. Я слышала, как ребёнок...

Она оборвала фразу, выпила. Начальница вышла из дальнего кабинета и попросила Селу закрыть примечание в карточке. Пока оно оставалось открытым, бригада не видела завершённого статуса. Села пошла закрывать. Нина хотела предложить подменить её на следующем вызове, но в собственной очереди уже мигал таймер просрочки.

Второй пациент оказался женщиной двадцати семи лет с опухолью, которую вовремя не заметили. Формально направление на обследование она получила в срок. Сам срок назначили на шесть месяцев вперёд. Потом заболел специалист, очередь сместилась, исследование состоялось ещё через пять недель. К моменту результата показания изменились: операция уже не предлагалась. На экране у женщины было красивое лицо, худое и спокойное. Она спрашивала, можно ли получить обезболивание, не требующее постоянного наблюдения.

Нина открыла назначения. Более сильный препарат выдавался вместе с устройством контроля, устройство оплачивалось отдельно. Отдельно оплачивалось и наблюдение за его показаниями. Женщина считалась временно нетрудоспособной, но не освобождённой от обязательств по жилью. После удержаний на устройство не хватало.

— Я не хочу умирать от боли, — сказала она.

Нина остановилась. Обычно люди не произносили таких фраз сразу. Объясняли, что не могут спать, что плохо помогает, что нужно встать на смену. Эта сказала именно то, что хотела. И Нине пришлось слышать, не прячась за перечислением симптомов.

— Я посмотрю другой вариант.

— Вы уже смотрели. Вчера.

Нина раскрыла историю и увидела собственную подпись. Вчера она действительно говорила с этой женщиной. За предыдущую смену было семьдесят два разговора. Нина помнила пакетики каши, которые покупала домой, помнила, где не работал переход, помнила чужого ребёнка в лифте. Лица женщины не помнила.

— Да, — сказала она. — Простите. Сейчас открою.

Женщина ждала. Нина отправила запрос на благотворительный ресурс. Фонд поддержки возвращал до трети расходов при выполнении условий публичной отчётности. Пациенту требовалось записать короткое обращение с благодарностью, согласиться на использование изображения и подтвердить отсутствие претензий к предшествующему лечению. Последнее не отменяло права жаловаться на бумаге, поясняя примечание. Просто фонд не мог помогать людям, вовлечённым в спор с медицинской системой.

Нина не показала форму сразу. Перечитала, будто надеялась, что увидела не то. Потом сказала, что есть частичное покрытие. Женщина спросила, что нужно сделать. Нина перечислила условия, остановилась на последнем, повторила медленнее.

— А если я не согласна, что меня правильно лечили?

— Тогда по этой программе не получится.

— Но мне дали срок слишком поздно.

— Я понимаю.

— Вы же видите, когда я обращалась.

— Вижу.

Женщина прикрыла рот ладонью. Нина решила, что та плачет, но потом услышала короткий смешок.

— Я должна сказать спасибо, чтобы мне дали не орать?

В кабинках было шумно. Звукоизоляция гасила голоса пациентов, но не сотрудников. За стенкой кто-то объяснял, что право на лечение сохраняется в полном объёме. Начальница отчитывала техника за задержку обновления. В этом обычном рабочем шуме Нина слышала фразу женщины совершенно отчётливо, словно та находилась у неё за столом.

Она могла сказать, что публичная отчётность добровольная. Так было написано в форме. Не сказала.

— Можете записать коротко. Не надо говорить больше, чем в обязательном тексте.

Женщина убрала руку и спросила, где посмотреть текст. Нина отправила. Через минуту пациентка подтвердила согласие. Карточка стала зелёной. Над ней появилась отметка успешно разрешённого обращения.

На перерыве Нина вышла к питьевому автомату. Села стояла там же, держала пустую кружку и разглядывала дно. Нина спросила, есть ли у неё что-нибудь поесть. Та ответила, что не хочется. Они постояли, потом каждая вернулась к своей очереди. Съесть даже бутерброд требовалось в выделенном помещении: крошки возле терминала считались риском заражения оборудования. Нина подумала, что оборудование у них берегут тщательнее, чем людей, и сразу почувствовала стыд за банальность этой мысли. Она уже приходила ей много раз и ни разу ничего не изменила.

Перед концом смены начальница позвала её в кабинет. На столе лежал отчёт по свободным примечаниям. У Нины их стало больше, чем у остальных. Начальница не ругалась, попросила сесть.

— Ты зачем стоимость вписываешь в отказы?

— Потому что из-за стоимости отказываются.

— Стоимость есть в системе.

— В итоговой карточке её нет.

— Итоговая карточка нужна для классификации, а не для повторения финансовых сведений.

У начальницы был больной муж. Нина знала, что та иногда уходила ночевать в больничный корпус, потому что дома ему становилось хуже и не удавалось вызвать перевозку. На краю стола лежал маленький ингалятор, который она забывала убрать после звонков. В разговоре участвовали две женщины, каждая могла рассказать про такую же систему в своей семье. Вместо этого они обсуждали, как правильно не повторять финансовые сведения.

— Отказ ведь не добровольный, — сказала Нина.

Начальница вздохнула.

— У человека есть предложение. Он может принять, может отказаться. Нам надо зафиксировать результат. Ты хочешь придумать третью кнопку?

— Хочу.

Слово выскочило неожиданно. Нина сама удивилась. Начальница посмотрела на дверь, затем тихо сказала:

— Тогда напиши предложение по интерфейсу. По нормальной форме. Не надо заставлять каждого исполнителя разбирать твои пояснения. Они же потом звонят ещё раз, потому что карточка не закрыта.

Нина кивнула. Ей дали выход без замечания, и она должна была почувствовать облегчение. В коридоре увидела женщину из отдела регистрации, которая несла поднос с растением. Растение выставляли в вестибюле на время проверки благополучия персонала. У него была пластиковая бирка с рекомендацией полива. Настоящие листья, тяжёлая земля, треснувший горшок. Женщина держала его осторожно, прижимая к груди.

Нина догнала её, предложила открыть дверь. Та поблагодарила и прошла с растением в вестибюль. Нина подержала створку, пока женщина устраивала горшок на тумбе. Та ещё раз сказала спасибо. Возвращаться к очереди стало немного легче.

Дома она открыла форму предложения по интерфейсу. До конца вечернего часа оставалось семнадцать минут. Нужно было объяснить проблему, указать существующий процесс, предложить изменение, оценить риски внедрения. Нина написала: «Отказ по причине невозможности оплаты не должен учитываться как отказ от лечения». Программа сообщила, что тема относится к финансовой доступности, и перенаправила её в другой раздел. Там предложение требовалось начинать с номера действующей программы.

Нина сохранила текст в личной памяти. На следующее утро не успела к нему вернуться. Через неделю обнаружила файл среди фотографий Тима и удалила: боялась случайно отправить не туда. Фразу помнила целиком. От этого ей казалось, что она ещё сможет написать, когда найдёт время.

Глава 5

В архив Ива приходила через боковой вход. Главный открывался для посетителей в девять, а у сотрудников день начинался в восемь тридцать: нужно было успеть занять место, включить терминал и подтвердить, что состояние соответствует работе с чувствительными сведениями. Состояние проверяли тремя вопросами. Испытываете ли вы сильное эмоциональное возбуждение. Употребляли ли средства, влияющие на внимание. Находитесь ли в личной связи с участниками рассматриваемых событий. Если ответить на последний вопрос честно, Ива не смогла бы открыть почти ничего, ради чего перешла сюда четыре года назад.

Она отвечала «нет» на все три. Сначала от этого болел живот, потом перестал. Ни один из ответов не сделал её человеком, которому позволялось узнать, где сестра. Ответы только давали доступ к спискам сломанных лифтов.

На её столе лежал бумажный запрос с приграничного склада. Заведующая просила восстановить историю повреждения грузовой ramпы. Подрядчик утверждал, что трещина существовала до ремонта; склад говорил, что до ремонта её не было. Подписи в акте стояли с обеих сторон. Теперь стоимость исправления хотели удержать из начислений работников, которые принимали смену. Семеро работников не имели отношения к ремонту, но присутствовали на объекте, когда трещину обнаружили.

Ива открыла первый снимок. На сером металле ничего не было видно. Второй снимок сделали с другого угла; в тени проходила тонкая линия. Третий пришёл повреждённым. Можно было написать, что установить время появления трещины невозможно, и закрыть дело. Тогда удержание сохранилось бы: при отсутствии подтверждения ответственность оставалась на текущем пользователе. Чтобы отменить её, требовалось доказать, что виноват кто-нибудь другой.

Склад назывался Сорн. Вернее, Сорн была фамилией заведующей, но в переписке все писали «склад Сорн», потому что сама заведующая отвечала быстрее любой службы. Её звали Эда. Ива читала сообщения этой женщины второй год и ни разу не видела её лица. По фразам представляла большую, уверенную, с тяжёлыми руками. Из присланной однажды фотографии поняла, что руки были тонкие.

В восьмой карточке нашлось то, что нужно: сотрудник подрядчика запросил усиление ramпы ещё до приёмки. Ива сверила номер, приложила копию к ответу и отправила. Через минуту Эда прислала: «Вы спасли семерым людям месяц еды». Ива закрыла сообщение, потому что такие слова неприятно было видеть в обычном рабочем окне. Она не спасала. Нашла документ, который не удалили.

За соседним столом работала Рена. У неё всегда были холодные руки, и она грела их под мышками, пока загружались файлы. Рена знала, зачем Ива спрашивает про шестьдесят второй сектор. Сама однажды нашла обходной список и не стала включать запрос в общий журнал. За это Ива была ей благодарна и потому не могла простить, когда Рена позже стала делать вид, что они никогда этот сектор не смотрели.

— Твои опять? — спросила Рена, заметив обозначение округа на экране.

— Обычная сверка.

— У них всё теперь в закрытом приложении. Не трать время.

— А где само приложение?

Рена поджала пальцы под мышкой.

— Ива.

В имени прозвучало предупреждение и просьба оставить её в покое. Ива отвела глаза к экрану. Она ненавидела себя за то, что каждый раз надеялась: может быть, сегодня Рена решится. В этой надежде было удобно забывать, что у коллеги двое детей и муж с времен-

ным трудовым профилем. Одна лишняя проверка могла лишить их возможности жить в одной квартире. Ива знала это и всё равно хотела, чтобы Рена помогла ещё раз.

В девять пришла посетительница. Не к Иве лично: в общий зал, где архивные сотрудники по очереди принимали людей. Сегодня была её смена. Женщина принесла пластиковую папку с мятыми листами. Она искала акт пожара в квартире сына. Страховая часть расчётного фонда отказала в компенсации: в карточке значилось добровольное прекращение использования жилья. Сын при этом числился погибшим в том же пожаре.

— Добровольно он не мог, — говорила женщина. — Его там нашли. Вот номер, мне выдали. Как он мог прекратить?

Ива попросила документ. На листе стояла электронная печать, почти стёршаяся по сгибу. Женщина разгладила его ладонью. Ногти были короткие, кожа на костяшках лопнула от холода. Ива заметила знакомое движение: точно так она разглаживала уведомления о своей сестре, как будто ровная бумага могла быть прочитана иначе.

В базе акт находился. Пожар, задымление, двое погибших, прекращение профиля жилья. Последняя операция произошла автоматически после признания помещения непригодным. Фонд прочёл её как действие владельца, потому что отдельного кода для прекращения профиля без согласия в той версии ещё не было.

— Здесь техническая классификация, — сказала Ива.

— Значит, исправите?

Ива остановилась. Она не могла исправить. Могла выдать пояснение о том, что запись не подтверждает личного действия. Пояснение не отменяло решения фонда. Женщине предстояло вернуться туда, получить новый отказ или запрос, снова принести бумагу. Сын уже не нуждался ни в квартире, ни в деньгах; матери начисляли стоимость вывоза его имущества из непригодного помещения. Ива видела итоговую сумму: платили за шкаф, кровать, два стула и тело, причём тело шло в отдельном разделе, с медицинским тарифом.

Она напечатала пояснение. Женщина прочла первую строку, спросила, что это значит простыми словами. Ива объяснила. Женщина слушала, затем спросила, почему нельзя написать просто, что сын ничего не прекращал, потому что уже умер.

— Нужен документ из регистра смерти, — ответила Ива.

— Я принесла.

— Здесь выписка медицинской службы. Регистр отдельный.

Посетительница положила ладонь на папку. Не закричала. Просто сидела, и Ива чувствовала, как между ними растёт молчание, которое она обязана чем-нибудь заполнить. В общем зале ждали ещё восемь человек. Время приёма истекало.

— Я могу попробовать запросить сама, — сказала Ива.

Женщина сразу выпрямилась. Ива пожалела, что сказала, ещё прежде, чем открыла форму: личный запрос специалиста требовал обоснования. Она указала межведомственное уточнение. Через несколько секунд пришёл отказ по разграничению полномочий. Тогда нашла номер старой версии, выписала ошибочный код и добавила к пояснению страницу технического классификатора. Это не гарантировало ничего. Но с такой страницей фонду было труднее отослать женщину обратно без разбора.

— Вы держите вместе, — сказала Ива. — Не отделяйте. И попросите, чтобы ответ дали по обоим листам.

Женщина забрала папку, поблагодарила. Хотела предложить деньги. Ива отодвинула руку. Небольшая сумма мигнула на запястье посетительницы, та поспешно закрыла. После её ухода Ива сидела, глядя на стол, пока сотрудник зала не напомнил про следующего.

К обеду заболела голова. Она вернулась к собственному месту и открыла шестьдесят второй сектор не по жилому реестру, а по стоимости вывоза имущества. Если сестра погибла, кому-нибудь должны были начислить освобождение помещения. Если её переселили, должен

был появиться другой тариф. Деньги иногда сохраняли следы людей там, где люди исчезали из адресов.

Нужной фамилии не оказалось. Слишком просто. Зато нашёлся общий счёт по дому. Семьсот сорок квартир были переданы в единый фонд как неиспользуемые. Дата совпадала с отключением. В строках шло имущество, коротко, без владельцев: мебель, текстиль, бытовые устройства. На каждом уровне нумерация начиналась заново. Сестра жила на сорок третьем. Ива открыла его и нашла список кухонной техники.

Там был старый нагревательный шкаф той модели, которую она сама помогала выбирать. Отличалась только последняя цифра номера. Мог быть чужой. Она знала это. В доме жили тысячи людей, таких шкафов выпускали миллионы. Всё равно смотрела на номер, пока не начала читать в нём то, чего там не было.

Рена принесла ей воду.

— Перестань сегодня.

— Я только этот раздел.

— Ты уже час.

Ива спросила, помнит ли Рена, каким был номер старого приложения. Та сказала, что не помнит. Слишком быстро. Ива посмотрела на неё, и Рена убрала стакан со стола, словно не хотела оставлять даже его.

После обеда вызвали на общее сообщение. Руководитель отдела стоял у экрана. Им предстоял перенос архива на новую платформу, часть разделов временно снималась с пользовательского доступа. «Пользователь» в этом случае включал сотрудников. Отдельно напомнили об ответственности за локальные копии и неучтённые выписки.

Ива держала ладони на коленях. В голове бился номер шкафа. Он находился в разрешённой карточке, она имела право его смотреть. Имела право выписать, если он нужен для работы. Не имела права знать, имеет ли этот номер отношение к её сестре. Различие было настолько точным, что от него трудно было дышать.

В конце руководитель предложил вопросы. Кто-то спросил, сохранятся ли результаты незакрытых дел. Ответили, что да. Рена спросила о графике переноса. Ответили, что график доведут отдельно. Ива не спросила ничего. Понимала, что после её вопроса будут помнить именно её, а не ответ.

К пяти нужный раздел исчез. Открытая вкладка ещё показывала заголовок, но содержимое сменилось серым полем. Ива попробовала вернуться через историю. Система сообщила, что такого адреса не существует. Ива перечитала ответ. Адрес исчез из реестра.

Она встала, пошла к Рене.

— Ты видела. Мы утром смотрели.

Рена подняла глаза. Во взгляде было такое отчаяние, что Ива едва не отступила.

— Может, ты сектор перепутала.

— Не делай так.

Рена молчала. В соседней кабинке кто-то смеялся над служебным поздравлением. На общем экране показывали количество обработанных дел. У отдела был хороший день.

Ива вернулась на место. Из списка контактов открыла Эду Сорн и написала, что по рампе документы переданы. Эда поблагодарила ещё раз. Тогда Ива спросила, работали ли у неё люди из шестидесят второго сектора. Ответ пришёл не сразу: «Моя сотрудница там жила. До сих пор ищу». Ива положила руки под стол, чтобы не видеть, как дрожат.

Они переписывались до конца смены. Только имена, номера домов, даты последних сообщений. Никаких обещаний, никаких планов. Эда знала одну историю, Ива другую. Вместе они не давали ответа. Но впервые Ива разговаривала с человеком, который не предлагал ей перестать искать.

Вечером она ждала Марка. Приготовила две тарелки, потом решила, что снова поступает глупо: он может не прийти, у него семья. Поставила одну в шкаф. Через минуту достала обратно, рассердившись на себя за эту мелкую игру. Про сестру рассказывать не собиралась. Начнёт с карточек, которые убрали из архива. Это хотя бы относилось к устройствам. Устройства он умел слушать внимательно.

Глава 6

Ива открыла с мокрыми волосами. За её спиной пищал кухонный таймер, из комнаты тянуло пережаренным луком. Она посмотрела на пакет в руке Марка и сказала, что ужин на одного можно растянуть на двоих, но восторга от этого никто не испытает.

— Я не голодный.

— Тогда будешь смотреть.

Он снял обувь на коврик. В квартире Ивы постоянно что-нибудь лежало там, где не должно: транспортная карточка на мойке, бельевая сетка на подоконнике, отвёртка возле кровати. Первые месяцы он принимал это за свободу и радовался, что здесь можно не соблюдать порядок. Потом узнал, сколько у неё бывает смен, и понял, что всё проще.

На столе стояли две тарелки. Он заметил их, но ничего не сказал. Ива вынула из маленькой печи сковороду, обожглась через прихватку и выругалась. Он взял сковороду у неё, поставил на подставку. Под рукавом у Ивы шёл белый рубец: когда-то при замене запорного модуля ей защемило руку. В архив аварий она попала уже после этого. Марк любил проводить по рубцу губами, а она говорила, что ещё немного, и закажет ему копию на мягком полимере.

Они поели, почти не разговаривая. Потом она вымыла посуду, хотя он предлагал сам, и ушла в комнату. На стуле у окна лежали её рабочие брюки. Из кармана торчал пропуск городского архива, на обороте был приклеен выцветший снимок женщины с маленькой Ивой на руках.

После Марк лежал на спине и слушал, как в стене переливается вода. Верхняя квартира получала вечернюю норму. Ива прижалась щекой к его плечу, её волосы охладили кожу. В этом положении ей было неудобно, затекала шея, но несколько минут она всё равно лежала так, а потом отодвигалась. Он никогда не предлагал лечь иначе.

— Ты сегодня где-то не здесь, — сказала она.

— Устал.

— Тогда спи.

— Мне к десяти нужно...

— Я знаю, к скольким тебе нужно.

Он повернул голову. У неё на виске прилип короткий тёмный волос, и ему захотелось убрать его. Он не стал: это выглядело бы ответом на то, на что он отвечать не собирался. Вместо этого рассказал о старухе. Сначала только о приёмнике, о странном соединении с тросовой системой дома, затем про мужчину и девочку. Ива не задавала вопросов. Под конец он понял, что описывает кухню гораздо подробнее, чем нужно, словно подробности могли показать, что он заметил женщину, прежде чем отдал её группе.

— А может, это и правда был сын, — сказал он.

— Ты его спросил?

— Когда?

— Пока не выключил.

Вода в стене перестала течь. Сверху затопали, что-то покатали по полу. На потолке Ивы темнело пятно старой протечки, которое она обводила карандашом, чтобы доказать управляющей службе, что оно растёт.

— Ты думаешь, там ему дали бы сказать правду? — спросил Марк. — Если это постановка, у них всё подготовлено. Документы, фотографии. Голос любой сейчас сделают.

— Наверное.

Её согласие разозлило его сильнее возражения.

— Что «наверное»?

— Марк, я не видела ни женщину, ни сына. Ты мне рассказываешь. Что ты хочешь от меня услышать?

Он сел, поискал ногами брюки. В комнате было прохладно, на колене выступили мелкие бугорки кожи. Ива поднялась тоже, но за одеялом не потянулась.

— Ничего, — сказал он. — Просто рассказываю.

— Хорошо. Ты часто просто рассказываешь. У тебя начальник дурак, Денис достал, жена не понимает, девочка на практике. А я сижу и говорю: да, тяжело.

— Ты же сама спрашиваешь.

— Сегодня не спрашивала.

Он оделся. Ива смотрела на него без злости, и от этого он чувствовал себя особенно нелепо. У порога она принесла ему второй носок, оставшийся под кроватью. Они не ссорились по-настоящему уже несколько месяцев. Для настоящей ссоры требовалось обсуждать, что будет дальше, а дальше у них шёл следующий четверг.

— У нас сегодня в архиве убрали карточки шестьдесят второго сектора, — сказала она, пока он застёгивал куртку. — Все за три года.

— Почему?

— Сказали, перенос формата. Я два месяца их сводила. Утечки, остановки подъёмников, аварийное освещение. Теперь в поиске нет даже номеров. Коллега говорит, что я перепутала сектор. Мы с ней вместе его закрывали, понимаешь? А она уже готова, что я перепутала.

— В центральном остались.

— Может быть.

Он подумал о своём измерении. Служба с неизвестным идентификатором, мгновенный ответ. Контрольная модуляция. Если бы Ива спросила, был ли у него сегодня необычный вызов, он, вероятно, рассказал бы. Но она не спросила, и он не рассказал.

Дома Тим уже спал. Игрушка лежала рядом с подушкой, к задней лапе была примотана ложка. Сава пояснил: ребёнок выполнил механическое укрепление без вмешательства в электронные узлы. Нарушений безопасности не обнаружено. Марк осторожно снял ложку, ослабил крепление и закрепил лапу правильно. На это ушло четыре минуты. Днём ему казалось, что нужно не меньше часа.

Нина сидела за столом, повернув экран от двери. На ней была растянутая домашняя кофта с дыркой под мышкой. Дырку он видел неделю назад и собирался купить новую кофту, но не знал размера: старые Нина выбирала свободнее, новые носила по фигуре. Он всегда вспоминал об этом, когда уже приходилось о чём-нибудь другом оправдываться.

— Закончили проверку? — спросила она.

— Да.

— Тебе не приходило подтверждение на маму? Я поставила тебя контактным на транспорт, у меня завтра приём.

Он открыл сохранённые уведомления. Приходило, дважды. На первое он не ответил в машине, второе увидел у Ивы и убрал с экрана. Заявка на перевозку была закрыта из-за неподтверждённого сопровождающего.

— Сейчас попробую восстановить.

Нина отодвинулась от стола. Молча положила ладони на колени. Марк сел напротив, открыл сохранённую карточку. После закрытия вечернего часа она показывала только последнее расписание; ближайшее время там было через одиннадцать дней. Новую заявку можно было отправить утром.

— Я могу взять служебную, — сказал он. — В обед отвезти.

— На служебной нельзя перевозить человека с медицинским назначением. Ты знаешь.

— Я договорюсь.

— С кем?

Он не знал с кем. Мог позвонить диспетчеру, попросить Дениса, взять машину без отметки. Потом на разборе спросили бы, зачем он рисковал допуском из-за перевозки пожилой женщины, которой официально не требовалась срочная помощь. Он представил этот разговор слишком ясно.

— Я завтра что-нибудь придумаю.

— Не обещай пока.

Нина повернула к нему экран. На нём была очередь пациентов. Она работала сверх смены: нужно было обзвонить тех, кому изменили назначения. На её служебном экране оставались только карточки и кнопка вызова указанного пациента. Домашний интернет закрылся в двадцать один, и любая другая страница теперь показывала время до утра. У каждой фамилии стояло маленькое поле с рекомендуемой формулировкой. «Снижение срочности не означает отказ в помощи». «Отсутствие доступного срока не влияет на ваше право». В трёх карточках из семи адресат уже не отвечал. Она отмечала «Контакт не установлен», и карточка становилась жёлтой.

— Мама знает? — спросил Марк.

— Я сказала, что машина сломалась.

Из комнаты вышла Лея. Остановилась у питьевого крана, налила воду. На лице был след от края учебного датчика. Марк вспомнил про семейное подтверждение, открыл сохранённую форму и при ней заполнил всё до конца. В свободном поле поставил прочерк, отправку назначил на семь утра.

— Заполнил. Утром уйдёт, — сказал он.

— Спасибо.

Она выпила и ушла. Марк вдруг почувствовал нежность к ней такую сильную, что захотел позвать обратно, потрепать по волосам, спросить, что было на занятиях. Но она уже закрыла дверь, а у него на экране осталась строка под формой: «Результат проверки семьи не подлежит обсуждению с заявителем». Он убрал устройство.

Нина снова начала обзвон. Марк слышал, как меняется её голос, когда она называет чужое имя: в нём появлялись тепло и терпение, на которые дома уже не оставалось сил. Он сидел рядом и ждал, не понадобится ли ей что-нибудь. Потом понял, что мешает, и ушёл мыться.

Ночью ему приснилась кухня старухи. Он стоял возле коробки, но никак не мог найти провод. Провода уходили в стену, поднимались к потолку, спускались обратно и были все одинаковыми. За столом терпеливо сидела женщина. Она не просила две минуты, потому что во сне времени у неё было сколько угодно. Проснувшись, Марк услышал, как скрипит зубами Нина, и осторожно положил ладонь ей на плечо. Она перестала, не проснувшись.

Глава 7

В больничный корпус они приехали через восемь дней. За эти восемь дней Марк отвёз тещу на обследование в такси, которое обошлось дороже двух недель продуктов, отработал субботу за отменённую смену другого наладчика и получил приглашение на обязательную лекцию о признаках профессионального выгорания. В приглашении было сказано, что отсутствие на лекции является одним из признаков.

У входа в больницу очередь двигалась через три рамки. Первую проходили все, вторую только посетители, третью те, у кого не совпадали какие-нибудь данные. У третьей сидел мужчина в пижаме и тапочках. Над запястьем у него завис красный значок. Он показывал рамке больничный браслет и объяснял, что вышел покурить, а его не пускают обратно. Дежурный просил не мешать потоку.

Марк прошёл через служебный вход. В коридоре пахло раствором для пола и сладковатым питанием. На стенах висели изображения здоровых людей, которые почему-то всегда занимались чем-нибудь на улице: бежали, держали ребёнка, поднимались по камням. В своём квартале Марк не помнил места, где можно было бы подняться по камням. Камни были на закрытых технических площадках, и ходить по ним запрещалось.

Заявку создали из-за сбоя мониторов в палате короткого наблюдения. От экранного контура шёл слабый паразитный фон, обычная история для зданий с большим количеством аппаратуры. Марк рассчитывал заменить фильтр и пообедать до того, как в столовой останется только печень. Но у старого лестничного пролёта прибор выделил второй источник. Тот сидел на другой частоте и открывался короткими всплесками.

Денис остался возле неисправного щита. Они работали вдвоём, но за каждую дополнительную утечку полагалась отдельная премия, и делиться поиском без необходимости было не принято. Марк прошёл по коридору, свернул к отделению восстановительной неврологии. Индикатор налился жёлтым. За стеклянной дверью медсестра поднимала с пола упаковку, из которой высыпались длинные трубки. Марк подождал, пока она освободит проход.

— Триста шестая где?

— Там. Вы надолго выключать будете?

— Посмотрим.

— Если дольше минуты, скажите. У нас вторая линия с утра не держит. В этой палате девочка на аппаратной поддержке, без питания оставлять её нельзя.

В триста шестой стояли четыре кровати. Одна была пуста, на двух спали пожилые мужчины, на четвёртой лежала девочка лет одиннадцати. Её волосы сбрили с левой стороны, на коже осталось полукольцо от снятого крепления. Девочка смотрела в потолок, шевеля губами. У изголовья сидел врач с плоским экраном на коленях.

Увидев Марка, он накрыл экран ладонью. Жест получился таким очевидным, что оба на секунду замерли. Прибор в руке Марка продолжал показывать источник. Тот был здесь, в ладонях врача, под обычным серым чехлом.

— Мне нужно проверить оборудование, — сказал Марк.

— Здесь нельзя отключать питание.

— Питание я не трогаю.

Врач посмотрел на прибор. Ему было около пятидесяти, но шея была старше лица: сухая, в глубоких складках, с мелкими красными точками под воротом. На груди висело имя: «Арсен Ладин. Врач восстановительного отделения».

— Давайте выйдем, — сказал он.

— С устройством.

Девочка перестала шевелить губами.

— Он ещё придёт? — спросила она. Голос был низкий, с сипом, совсем не подходивший к маленькому лицу.

— Я рядом, Соль. Сейчас вернусь.

В коридоре Ладин не стал спрашивать, что будет. Он снял чехол и показал экран. На нём была страница на незнакомом языке, рядом медленно разворачивался перевод. Между абзацами стояли изображения нервной ткани и таблица дозировок. В нижнем углу вращался знак подключения.

— Вы понимаете, что открыли? — спросил Марк.

— Да.

— Здесь больные с прямыми интерфейсами. Если что-нибудь уйдёт в общую систему...

— Не уйдёт. Устройство физически отдельно. Я не вчера его сделал.

Марк посмотрел на боковой разъём. Контакты действительно были залиты полимером. Приём шёл через отдельный преобразователь, внутренняя связь отсутствовала. Схема была неграмотная в одном месте и очень аккуратная в остальных: так делают люди, которым показали принцип, а дальше пришлось учиться самим.

— Кто устанавливал?

— Я.

— Все вы сами.

Врач пожал плечами. У него под глазом дёрнулась мышца.

— Девочка после производственной травмы. Попала на экскурсии под транспортную руку. Нам передали, когда купировали кровотечение. По нашей базе восстановление моторной речи для её повреждения не предусмотрено. В этой статье есть протокол. Работает на другом сочетании препаратов, они у нас есть, только по отдельности. Первые слова она сказала вчера.

— Она только что спросила, придёте ли вы. Вы могли её научить фразу повторять.

— Мог. Зачем?

Марк хотел ответить, но врач опустил экран и прислонился затылком к стене. Казалось, ему стало трудно держать голову.

— Простите. Я дежурю вторые сутки. Хотите посмотреть историю? Она здесь наша, обычная. Без внешних подключений.

Он открыл на больничном терминале карточку. Марк увидел фотографию девочки с длинными волосами, сведения о родителях, предприятии, травме. Много было закрыто профессиональным допуском, но строка прогноза читалась полностью: «Речевая функция не подлежит плановому восстановлению». Следующая строка: «Рекомендована адаптация к допустимому уровню утраты».

— Кто разрешил лечение? — спросил Марк.

— Я назначил симптоматическое. В пределах суточной нормы.

— А если она умрёт?

Ладин повернулся к нему.

— Тогда будут разбираться. Сейчас она не умирает. Сейчас ей говорят, что она больше не сможет разговаривать, и готовят перевод в учебное учреждение для невербальных. Мать уже подписала согласие, чтобы не начисляли сверхсрочное пребывание. Я её отговорил, она отозвала заявление. Завтра ей опять начислят.

Из-за двери раздался звонок. Один из спящих мужчин проснулся и звал сестру. По коридору прошёл андроид с герметичным ящиком, покачивающимся на ремнях. На боку ящика мигало: «Осторожно. Биологический материал». Ладин проводил его взглядом.

— Сколько вам нужно? — спросил Марк.

Врач закрыл лицо ладонью, потом убрал её.

— У меня нет денег.

— Времени сколько? Я про время.

— До следующего решения. Десять дней. Если будет улучшение, я продлю лечение на нашем основании. Тогда мне это уже не понадобится.

Марк стоял, держа прибор между ними. Он мог вызвать группу, как вызывал прежде, и дальше разбираться пришлось бы другим. Врач был взрослый, знал правила, всё сделал сознательно. Кроме того, девочка действительно находилась рядом с сетью, через которую можно было передать опасную последовательность. Существовали реальные случаи, курсы были не выдуманы, фотографии ожогов на нейронных разъёмах он видел сам. Это была достаточная причина. Он знал, как её сформулировать.

Из палаты донёсся низкий, сорванный голос:

— Арсен.

Врач повернул голову.

— Арсен, он не приходит.

Ладин посмотрел на Марка, ожидая разрешения. В этом было что-то настолько скверное, что Марк убрал прибор в карман.

— Идите.

— Вы...

— Идите к ней. Я закончу проверку.

Он вернулся к лестнице, потом свернул в служебную мойку и закрыл дверь. Под раковиной стоял пакет с мокрыми перевязочными материалами; в вентиляции шуршало, как будто кто-то проводил щёткой по бумаге. Марк достал планшет. Руки не дрожали. Он ожидал, что будут дрожать, и это даже помогло бы: можно было бы потом сказать себе, что он действовал в сильном волнении. Вместо этого он спокойно открыл новую заявку, скопировал показания и отредактировал классификацию.

«Наложение частот лечебного оборудования на диагностический канал. Внешний источник не подтверждён». Система потребовала приложить контрольное измерение. Первое измерение показывало источник слишком ясно. Марк вернулся к щиту, попросил Дениса на минуту включить старый блок и записал шум неисправного фильтра. Потом приложил запись к другому акту. Между этими действиями прошло меньше минуты, и вся ложь состояла в том, к какой заявке он отнёс один файл.

— Чего там? — спросил Денис.

— Наводка от аппаратуры.

— Говорю, фильтры надо менять серией. А они по одному. Потом удивляются, что мы дорого стоим.

Марк закрыл акт. Он ожидал, что появится дополнительный запрос, что форму подсветят жёлтым, что из диспетчерской позвонят. Ничего не произошло. В сводке у него стало на одну выполненную работу больше. Денис предложил обедать.

В столовой была печень. Марк взял её, хотя не любил, и съел почти всю. Денис рассказывал про инструктора дочери: молодой парень, раньше служил, теперь учил детей плавать и никогда не повышал голос. Хороший, говорил Денис, сразу видно, человек себя нашёл. Марк слушал и смотрел на свои руки. У ногтя большого пальца оставалась тонкая белая полоска полимера от больничного разъёма. Он соскоблил её вилкой.

На выходе возле третьей рамки уже никого не было. На стуле стояли две тапочки, одна на другой. Марк остановился, потом подумал, что мужчина, конечно, вернулся в отделение в больничной обуви, а эти оставил. Можно было спросить дежурного. Он прошёл мимо.

Вечером Тим попросил починить у зверька звук. Устройство должно было издавать короткий писк, но после установки привода только открывало пасть. Марк сел рядом, вынул питание и посмотрел схему. В звуковой пластине перегорела дорожка. Можно было заменить целиком, но он зачистил контакты и провёл перемычку. На стол сыпались крошечные зелёные хлопья покрытия.

— А людей так можно? — спросил Тим.

— Как?

— Если он рот открывает, а ничего нет. Ты же можешь соединить.

— У людей иначе.

— Но можно?

Марк попробовал питание. Зверёк пискнул, резко и недовольно, словно его разбудили. Тим рассмеялся и закрыл игрушке пасть рукой, потом отпустил.

— Иногда можно, — сказал Марк.

Он проснулся в три часа ночи с уверенностью, что за ним пришли. Во входной двери коротко щёлкнул замок. Марк лежал, стараясь не дышать, и слушал коридор. Через несколько секунд Сава сообщил вполголоса, что обновление запорного модуля завершено. Нина повернулась на другой бок.

До утра он больше не заснул. Подумал о женщине с полотенцем, о том, сколько времени прошло с её оценки состояния, и впервые не смог подставить привычный ответ: специалисты разберутся. В больнице он уже дождался, пока специалисты уйдут к ребёнку, а потом сам изменил результат их работы. Никто не остановил его руку. Это было невозможно согласовать с тем, как он жил прежде, и он лежал в темноте, прислушиваясь к дыханию жены, пока не включился будильник.

Глава 8

На следующий день их отправили в мастерскую телесных протезов. Заявка пришла без обычного описания: только адрес, приоритет и требование не использовать нейронные интерфейсы в пределах объекта. Марк снял с запястья вспомогательную пластину и запер её в экранированном отделении. Денис сделал то же самое, хотя постоянно говорил, что от этой штуки никакой пользы. Если пластину оставляли дома, браслет натирал пустое место.

У входа стояли трое сотрудников изоляции. Рабочих держали в проходе между витриной и закрытым подъёмником. Кто-то плакал, отвернувшись к стене. В витрине медленно вращалась искусственная кисть, от указательного пальца к мизинцу шла демонстрационная волна. Кисть показывала свои возможности, не зная, что в помещении никого не интересовала.

— Кто подключён? — спросил Марк.

Старший сотрудник указал внутрь. Через стеклянную дверь было видно кресло настройки. В нём лежал человек с вывернутой левой рукой. Пальцы зажаты так плотно, что сквозь них проступило что-то белое. На голове оставалось крепление, от крепления шёл кабель к стеновому блоку. Человек то затихал, то начинал выгибаться, но голоса не было слышно. Дверь была закрыта.

— Почему питание не сняли?

— Сняли. На резерв ушёл.

— Весь блок?

— По схеме весь. Он же медицинский.

Старший раздражался. Марк понимал: люди со стороны всегда считают, что если питание отключили, ток должен исчезнуть. В медицинском оборудовании за это платили так, чтобы ток не исчезал почти никогда. Установщики резервировали каждую линию, а документацию обновляли тогда, когда вспоминали.

Внутри пахло горячим пластиком и потом. На полу возле кресла валялся сломанный подлокотник. К мастеру подошла санитарная машина, попыталась приложить датчик к шее пациента, получила удар искусственной рукой и отъехала. В корпусе осталась вмятина. Машина предложила повторить измерение в условиях отсутствия двигательного возбуждения.

Марк нашёл механическое размыкание у основания кресла. Под ним была заглушка с заводским номером, установленная поверх аварийной рукояти. Кто-то решил, что пользователи слишком часто трогают рукоять без необходимости. Он сорвал заглушку, выдернул блок. Человек перестал выгибаться, но пальцы не разжались. Денис держал его за плечи, чтобы тот не сполз, и говорил что-то тихое, обычное: «Всё, сейчас. Тихо. Давай ещё чуть-чуть».

Марк снял крепление. Под ним кожа была мокрая, в двух местах обгорела. На виске вздулась мелкая сыпь. Он видел такое на учебных фотографиях, однажды видел в реальном вызове, но давно. Вживую это всегда выглядело меньше и хуже картинки: не катастрофа на весь экран, а несколько сантиметров кожи, после которых человек больше не узнавал собственную руку.

Когда вошли медики, мужчина открыл глаза. Попытался что-то сказать. Из рта пошла тонкая слюна. Один медик спросил имя, другой настраивал транспортное крепление. Мужчина смотрел на искусственные пальцы с удивлением, словно увидел рядом чужое животное.

Марк отступил к столу и начал записывать состояние оборудования. Внутренний преобразователь был модифицирован. К сервисному входу припаяли дополнительную пластину, простую, с плохой изоляцией. Не такую, как у Лады. Через неё принимали внешние файлы прошивки. На экране сохранилась страница с инструкцией: устройство могло работать точнее, если снять заводское ограничение силы захвата.

— Хотел бесплатно, — сказал старший сотрудник. — Вот и получил.

Марк поднял голову. Возле двери стояла женщина в халате мастерской, под халатом была праздничная блузка. На лацкане значок стажа. Она сказала, что владелец и так заплатил за кисть почти всё, что заработал за двадцать лет. Старший ответил, что цена не имеет отношения к нарушению.

— Имеет, — сказала женщина, не отходя от двери.

Денис повернулся к ней, и она замолчала. Марк снова посмотрел на экран. Инструкция выглядела понятной: снять ограничитель, установить обновление, провести калибровку. В одном пункте вместо запятой стояла точка: «0.25». Старый модуль ввода понимал только запятую, а точку отбрасывал. В журнале сохранилось принятое значение: двадцать пять вместо двадцати пяти сотых. Нагрузка оказалась в сто раз выше. Возможно, ошибка перевода. Возможно, вредоносный файл. Понять без анализа было нельзя. Установленная рядом программа отправляла корректирующие импульсы через прямое сопряжение. Мужчина не должен был запускать её на себе, но наверняка считал, что знает оборудование лучше сотрудников, к которым приходил годами.

— Давно он это принимает? — спросил Марк женщину.

— Три месяца.

— И раньше работало?

— Работало. Он говорил, там настоящие производители отвечают. Они же эти кисти и делают. Наши только корпус меняют и ставят счётчик нагрузки.

Старший записал её слова. Женщина увидела, что записывает, и повторила: так говорил владелец. Она сама не знает. Ничего не устанавливала. Только принимает клиентов. У неё допуск вообще на гигиеническую обработку. Она поднесла запястье, показывая, словно это могло вычеркнуть предыдущие фразы.

Из мастерской вынесли мужчину. На лице у него лежала прозрачная маска. Искусственная рука осталась согнутой и выступала над креплением. Маленький палец сломался, в раскрытом соединении виднелась тонкая тяга, похожая на сухожилие. Марк заметил, что на указательном пальце до сих пор было кольцо. Обручальное, простое, слишком широкое для полимерной кисти. Под кольцом намотали нитку, чтобы держалось.

В соседнем помещении нашли ещё четыре подключённых устройства. Все приёмные, ни одно не имело прямого входа в нервную систему. На одном открывалась база инструкций по ремонту, на другом женщина держала переписку с дочерью. Старший предложил отключить всё одним блоком и вызвать дополнительную группу. Марк сказал, что нужно составить отдельные акты: разные источники, разные подключения.

— Ты надолго хочешь? — спросил Денис.

— По инструкции.

Денис посмотрел на него. Понял, что спорить при сотрудниках Марк не станет. Они разошлись по помещениям. Марк дошёл до маленькой комнаты с чайником, где стоял экран с перепиской. Ничего исключительного: дочь спрашивала, удалось ли записаться к врачу; мать отвечала, что опять нет свободного срока. Сообщения были отправлены в двадцать пятьдесят восемь и двадцать пятьдесят девять. Дочь жила в другом округе Вельта. Связь была внутренней, обычной. Сам приёмник в этой комнате работал как усилитель слабого сигнала, не открывая внешнего адреса.

Марк проверил схему. Старая пластина, заводские настройки. Внешний диапазон не поддерживался. Он вышел и сообщил старшему. Тот велел всё равно изъять: устройство находилось на заражённом объекте. Марк показал форму. Для изъятия требовалось конкретное основание. Старший сказал, что конкретное основание сейчас лежит в перевозке с выжженной головой.

Марк мог спорить. Ещё десять минут, запрос руководителю, потеря сменного времени. За эти десять минут Денис успел бы оформить оставшиеся точки, а женщину всё равно опро-

сили бы. Он отключил усилитель, опечатал и указал в акте отсутствие внешнего канала. Это было всё, что он сделал. Когда вышел в коридор, женщина смотрела на пустое место, где стоял прибор. В маленьком окне личного телефона шёл остаток утреннего часа. Она пыталась подключиться напрямую, подняв руку выше головы.

В машине Денис долго молчал. Потом снял куртку, понюхал рукав и выругался. В рукаве держался запах обгоревшей кожи.

— Видел? — спросил он. — А все думают, мы тут за просто так.

— Видел.

— Там же ничего. Нажал, скачал, умный стал. А потом рука его самого душит. В новостях покажут, скажут постановка.

Марк не возражал. Достал таблетку, положил на язык и запил водой, в которой чувствовался привкус старого уплотнителя. Мужчина в кресле не был постановкой. Его кисть не стала безопаснее от того, что хозяин не мог оплатить обновление. Марк думал об этом и одновременно видел, как женщина в халате поднимает телефон, ловя последние минуты своей внутренней связи.

— Из-за одного прибора всех держали, — сказал он.

— Проверят и отпустят.

— Усилитель вообще без внешнего диапазона.

— Ты написал?

— Написал.

— Ну и всё. Дальше не наша работа.

Марк посмотрел в окно. Служебная машина поднималась вдоль башни, за стёклами которой шёл обычный день. На одном уровне женщина мыла пол, на другом работал настенный экран, выше кто-то переодевался у незакрытой створки. Десятки квартир проплыли за несколько секунд. В каждой оставалось достаточно вещей, чтобы человеку было страшно их потерять.

В обед Марк запросил старое учебное пособие по прямым интерфейсам. Рабочий доступ позволял скачать весь материал. В пособии говорилось о разграничении пассивного приёма, исполняемого кода и нейронной нагрузки. Он знал эти разделы, сдавал, потом перестал держать в голове, потому что на вызовах требовалось другое: найти, перекрыть, оформить. Теперь читал заново. Между изображением чужой кухни и командой, сжимающей пальцы на человеческой шее, было несколько уровней защиты. На плакатах в раздевалке их объединяли одним словом.

Денис сел рядом, поставил еду, спросил, зачем читать то, что уже случилось. Марк ответил, что готовится к проверке. Денис сразу успокоился. Начал рассказывать про дочь, которая научилась держаться на спине в бассейне. До этого боялась отпустить край, а теперь смогла. Он показал сохранённое видео. Девочка лежала на воде, глядя в потолок, возле неё стоял инструктор. Денис смотрел с таким довольным лицом, что Марк улыбнулся тоже.

Вечером пришло уточнение по мастерской. Мужчина выжил. Нарушения речи, частичная утрата самостоятельного движения, прогноз осторожный. На базе происшествия подготовили информационный сюжет о предотвращённой нейронной атаке. Фотографию кресла обрезают так, что не было видно платного сервисного блока. Имени мужчины не называли. В тексте он проходил как гражданин, своевременно спасённый благодаря профессиональным действиям служб.

Марк посмотрел сюжет до конца. Потом открыл сообщение от Ладина, пришедшее в вечерний час: врач спрашивал, сможет ли он помочь с поиском медицинских материалов. На ответ оставалось восемь минут. Марк набрал, что после сегодняшнего вызова считает подключения слишком опасными. Прочёл, стёр. Написал, что пока не нашёл способа. Отправил, положил устройство экраном вниз и до конца часа больше не открывал.

Глава 9

Источник оказался холодильником. Марк понял это через четыре минуты после входа. Старый преобразователь давал короткий импульс при запуске компрессора, диагностический канал цеплялся за него и поднимал предупреждение. Он записал три запуска, сравнил, отступил к двери. Женщина, вызвавшая службу, не захотела смотреть на показания.

— В соседней квартире принимают, — сказала она. — По ночам голоса.

— Сигнал идёт отсюда.

— От холодильника голосов не бывает.

— Голоса могут быть от внутреннего экрана. Сейчас мы проверили диапазон.

Она стояла посреди кухни, скрестив руки. Лет пятидесяти, аккуратная домашняя одежда, волосы убраны под сетку. На стене висели благодарности за участие в жизни жилой секции. Марк видел такое в подъездах: кто-то должен был собирать подписи на общие ремонты, принимать отчёты уборочных машин, сообщать, когда жильцы оставляют вещи в проходах. Эта женщина, судя по количеству благодарностей, занималась всем сразу.

— Вы же не можете знать, когда они включают, — сказала она. — Сейчас увидели вашу машину и спрятали.

— Они не видят назначение нашей машины.

— У них может быть оборудование.

У Дениса пискнул терминал: поступила следующая заявка. Марк хотел закрыть акт и уйти, но женщина потребовала проверить соседей. Сообщение зарегистрировано, значит, они обязаны проверить. В этом она была права. Отклонить адресный сигнал без осмотра можно было только с подтверждением старшего.

Они прошли к соседней двери. Открыли не сразу. За дверью слышался ребёнок, затем женский голос, просивший замолчать. Марк показал допуск. Дверь разрешила служебный проход, но хозяйка удерживала её рукой, ещё не успев понять, что именно пришли делать.

В квартире жили мать и двое детей. Старшему было лет двенадцать, младшая спала на полу возле дивана, положив под щёку подушку. Диван занимал мужчина с неподвижными ногами. Он смотрел на пришедших с таким выражением, будто ожидал их давно. В комнате пахло лекарствами и несвежим бельём. Возле окна работал старый речевой модуль.

— Это он ночью говорит? — спросил Марк.

Женщина кивнула. Мужчина после повреждения говорил плохо, модуль усиливал отдельные слова и собирал их в понятную фразу. Иногда ошибался. Тогда мужчина повторял, раздражался, повышал голос. Ночью боль усиливалась, и ему требовалось звать жену чаще.

Марк проверил устройство. Внешнего канала не было. Внутренняя память, микрофон, усилитель, короткая связь с медицинским браслетом. Он снял показания и вышел в коридор. Соседка ждала у своей двери.

— Ну?

— Речевое устройство. Разрешённое. Внешнего подключения не обнаружено.

— Они раньше говорили, что тоже разрешённое. Только спать невозможно.

Марк посмотрел на неё. Она сразу уточнила, что дело не во сне. Просто за стеной может быть что угодно. Никто не знает, чем они занимаются, ребёнок всё время с какими-то деталями, мужчина давно не работает. Она перечисляла не доказательства подключения, а признаки жизни, которая ей мешала. Каждое слово в отдельности было правдой.

Денис попросил закрыть дверь: в коридоре слушали другие. Из соседней квартиры вышла хозяйка, держа на руках проснувшуюся девочку. Услышала последнюю фразу, начала отвечать. Соседка повысила голос. Ребёнок заплакал.

— Вы уже третий раз вызываете, — говорила хозяйка. — Третий. Нам после каждого...

— Если всё чисто, чего бояться?

Марк встал между ними. Попросил обеих отойти. У него болело колено, хотелось сесть, а не разбирать чужую ненависть. Служебный экран требовал результат адресной проверки. Он выбрал отсутствие внешнего источника, начал писать пояснение.

— Нам модуль отключат? — спросила женщина с ребёнком.

— Нет.

— В прошлый раз тоже говорили. Потом на оценку забрали на неделю. Он без него ночью вообще не может.

Марк остановил пальцы. Предыдущее вмешательство в карточке действительно было. Два осмотра, повторный сигнал, несогласие заявителя с результатом. Третий вызов автоматически поднимал уровень риска. Независимо от того, нашли что-нибудь или нет. Система считала, что повторяемость жалоб требует углублённой проверки.

— Сейчас не заберём, — сказал он.

Это было точнее. Женщина поняла разницу. Крепче прижала ребёнка, зашла обратно. Марк услышал, как мужчина в комнате пытается спросить, что случилось. Речевой модуль собрал из его звуков совсем другую фразу, и кто-то тихо засмеялся. Не весело, просто от невозможности больше выдерживать серьёзно.

Соседка подошла ближе.

— Я же вам говорю. У них там непонятное.

Денис попросил её вернуться в квартиру. Голос был жёстче обычного. Она оставила дверь приоткрытой.

Марк позвонил старшему. Объяснил про холодильник, речевой модуль и автоматическое повышение риска. Попросил снять повторяемость как технически обусловленную. Старший сказал, что у него нет полномочий менять историю обращений. Можно внести вывод специалиста. Дальше будет решать группа углублённой оценки.

— Они заберут устройство?

— Я не могу заранее знать.

— Там человек без него не разговаривает.

— Это пусть медики укажут. Мы не медики.

Марк открыл карточку мужчины. Медицинское назначение было, но срок последнего подтверждения закончился. Жена подала продление, оно находилось в ожидании. Значит, формально сейчас речевой модуль использовался без актуального подтверждения. Старший услышал это и попросил добавить в акт.

— Зачем? Это же не внешний канал.

— Чтобы потом не выяснилось, что вы видели и не указали.

Денис сидел на низкой лавке у пожарного шкафа. Смотрел на Марка. По его лицу нельзя было понять, чего он ждёт: поддержки или окончания разговора. Марк завершил вызов, снова вошёл в квартиру.

Женщина поставила ребёнка на пол. Девочка держалась за её брюки, испуганно глядя на служебную куртку. Марк объяснил про продление. Она показала отправленную заявку, два напоминания, квитанцию за прежнюю оценку. Все документы были настоящие. Все говорили, что ждёт, а не скрывает.

— Я могу приложить, — сказал Марк. — Но нужно, чтобы они продлили.

— Так сделайте, чтобы продлили.

— Я не могу.

— А забрать можете.

Он не ответил. Мужчина на диване тронул её за рукав. Несколько секунд собирался, затем сказал почти разборчиво, без усилителя: «Пусть». Она обернулась, стала объяснять, что

без устройства нельзя. Он повторил громче. Речевой модуль решил, что это команда завершения, и погасил экран.

Марк присел возле блока. Снял защитную панель, проверил серийный номер, потом показал хозяйке старый переключатель усиления. Если уменьшить ночную громкость и перенести выносной динамик ближе к её месту, голос за стеной будет слышен слабее. Динамик раньше стоял у соседней стены. Женщина посмотрела на него так, будто он предложил решить жизнь перестановкой чашки.

— Я услышу?

— Если поставить здесь.

Он протянул кабель вдоль плинтуса. Закрепил двумя стяжками, которые нашёл в сумке. Проверка и необходимость продлить назначение никуда не исчезли. Устройство всё ещё могли забрать. Перенос динамика позволял лишь сделать ночной звук тише. Хозяйка помогала, потом её руки перестали дрожать. Старший сын принёс чистую тряпку, чтобы протереть пыль за диваном. Марк поблагодарил. Мальчик покраснел от неожиданности.

В акте он указал отсутствие внешнего канала, неисправность соседнего бытового преобразователя и приложил документы о продлении. Про громкость написал отдельно, как устранённое бытовое обстоятельство. Подтверждение медицинского назначения не скрыл. Когда они вышли, соседка снова спросила, когда будет результат.

— Результат будет у службы, — сказал Денис.

В лифте он долго молчал. Затем спросил Марка, надо ли было возиться с кабелем, если всё равно придут за модулем. Марк сказал, что не знает. Денис кивнул. На следующей заявке они опоздали на двадцать четыре минуты. Причину пришлось объяснять обоим.

Через неделю по объекту появился итог: устройство изъято для углублённой проверки. Срок возврата не указан. В приложении стояла благодарность заявителю за бдительность. Марк открыл свою запись и увидел, что она осталась на месте, целая. Все технические выводы, все документы. Ничего не потеряли, ничего не перепутали. Просто сделали то, что собирались, прочитав всё до последней строки.

Глава 10

Старый анализатор лежал в отцовском ящике, под колодками для обжима. После смерти отца Марк хотел оставить только инструмент, а всё остальное сдать, но времени разбирать вещи не было. Ящик привезли вместе с креслом и двумя пакетами посуды. Кресло не прошло санитарную проверку подъезда, посуду Нина раздала, ящик остался. На крышке темнели следы пальцев, въевшиеся в материал так глубоко, что обработка их не взяла.

Марк поставил его на стол в кладовой. Кладовая официально называлась вспомогательным жилым объёмом и оплачивалась по той же ставке, что комната. В ней помещались складная сушилка, запас продуктов, старая одежда и человек, если не расправлял плеч. Сава туда не заходил: расстояние между стеллажами не соответствовало эксплуатационному минимуму.

Анализатор был тяжёлый, с двумя настоящими кнопками. На боку отец выцарапал номер смены и фамилию. У них когда-то выдавали аппаратуру в личное пользование, заставляя работника отвечать за сохранность всем балансом. Теперь аппаратура числилась за подразделением, а отвечал работник всё равно. В детстве Марк думал, что отец носит ящик потому, что никому не доверяет. Теперь сам хранил служебный прибор рядом с кроватью.

Он подключил питание. Сначала ничего не произошло. Потом в узком окошке появились бледные знаки. Аккумулятор умер, но внешний преобразователь работал. Для записи требовалась отдельная пластина памяти, её Марк нашёл на дне, в бумажном конверте. Конверт был из больницы, где отец лечил суставы. На обороте остались цифры и слово «позвонить», а рядом имя, которого Марк не узнал.

— Ты чем занят? — спросила Нина из коридора.

Он вздрогнул и ударился локтем о полку. Нина остановилась в дверях, посмотрела на разобранный прибор.

— Старое проверяю. На дачу годится.

Дачи у них не было. Была доля в семейном участке отца, на которую четверо родственников не могли оформить транспортный доступ одновременно. Последний раз Марк приезжал туда семь лет назад, после похорон. Он вспомнил это, лишь произнеся слово, но Нина уже ушла за сумкой. Ей звонила мать.

В ту ночь он ничего не принял. Сеть изоляции работала хорошо, он сам помогал поддерживать её. На шкале ползли помехи, чаще всего отражения домашней техники. Он просидел сорок минут, потом выключил питание и ощутил неожиданное облегчение: попробовать не значило найти. Ему не пришлось решать, что делать дальше.

Через неделю, пока машина стояла в очереди на вылет, он открыл старый акт по больнице. Технические изменения были доступны в течение десяти дней. Можно было добавить уточнение, написать о повторном анализе, закрыть ошибку. Доктор всё ещё передавал данные, если не испугался и не убрал аппарат; они успели бы его застать. Марк представил, как будет объяснять задержку. Неверная первичная оценка, обнаруженная при самостоятельной проверке. За такое даже иногда благодарили.

Он закрыл акт. Через два дня срок изменения закончился. Марк отметил это про себя с облегчением, как будто решение за него принял календарь.

Первую запись он сделал на служебной площадке, возле того самого магистрального узла. Денис в это время забирал расходники со склада, который работал медленнее после внедрения ускоренной выдачи. Марк оставил сумку под открытым кожухом и подключил старый анализатор к диагностическому отводу. Устройство не имело адреса во внутренней сети, поэтому машина видела его как дополнительную нагрузку. Нагрузку он потом списал на обогрев.

В файле оказалось двадцать три секунды. Чёрный экран, чужая речь, скачок изображения и мужчина в фартуке, показывающий сковороду. В правом верхнем углу стояла цена, внизу

перебегала реклама доставки. Марк смотрел запись в кладовой без звука и не понимал, почему ему так страшно. На занятиях показывали опасные материалы. Там были лица, распадавшиеся на геометрические фигуры, ритмические последовательности, следы импульсной нагрузки. Здесь человек наклонял сковороду, и яичница съезжала к краю.

Марк увеличил изображение, попытался найти следы подмены. Они были: по руке шли светлые квадраты, край фартука двоился. Но это могло быть сжатием. А могло не быть. Он скопировал файл на вторую пластину и сразу понял, что сделал уже не один запрещённый предмет, а два. Вторую пластину спрятал в корпус старого тестера, первую оставил в приборе.

За неделю он принял ещё один фрагмент рекламы, начало погодного сообщения и разговор двух женщин, которые спорили из-за сорванной доставки. Это было похоже на внутреннюю сеть, только у них на заднем плане встречались другие вывески и машины с неизвестными обозначениями. Один раз показали военных возле погрузочного судна, и Марк почувствовал почти радость: наконец было за что зацепиться. Он просматривал этот отрывок дольше остальных. Потом увидел на борту название города Вельта. Судно разгружалось где-то снаружи.

В ту ночь он снова взглянул на часы. Было без четверти два. Домашний терминал показывал закрытый круг, а на отцовском приборе продолжал говорить человек в иностранной форме. Марк раньше думал, что запретная сеть отличается содержанием. Теперь обнаружилось ещё одно отличие: там кто-то мог написать в час ночи, и ему могли ответить. В любое удобное время. Просто потому, что оба не спали.

На второй неделе Лея делала доклад. Её зачислили на практику, и перед началом требовалось пройти обзор внешней транспортной среды. Она сидела на полу в комнате, вокруг неё стояли проекции карт. Эйра занимала всю стену: два огромных материковых массива, мелкие острова, белые кольца полярных зон. Страна Марка была окрашена тёмно-синим. Остальные страны были разного оттенка серого.

Он остановился в дверях. На глобусе Вельт занимал не так много места, как он привык думать. Пояса освоенной суши уходили далеко за границы, за них протягивались дороги, чужие названия, обозначения портов. В школе он учил это всё. Просто потом перестал представлять.

— У тебя внешний обзор? — спросил он.

— Ага. Мне досталась Сейра.

Он поискал её на карте. Узкая страна лежала на побережье, примыкая к Вельту через ступенчатую пограничную зону.

— С населением сколько?

— Сто сорок миллионов.

— Мало.

— Для них много. Они не могут обеспечить даже нормальное семейное размещение. Совместные помещения, ограниченные санитарные ресурсы. У меня есть фотографии.

Марк сел на край кровати. Дочь вывела изображение длинного здания с чёрными отверстиями окон. У стены сидели люди. Подпись сообщала: «Обычная среда проживания трудового населения Сейры». Не было ни города, ни даты. Он спросил о дате.

— Это из учебной базы, — сказала Лея.

— Я понимаю. Когда снято?

Она раскрыла сведения. Там стоял номер образовательного допуска и дата последней проверки. Марк почувствовал, как дочь начинает сердиться, и вместо следующего вопроса предложил помочь со схемой транспортных развязок. Она отказалась.

Вечером он нашёл на записанном погодном фрагменте название Сейры. Раньше не обращал внимания: оно на секунду появлялось у края. За женщиной, читавшей прогноз, была видна площадь и остановка. Рядом с остановкой молодой мужчина, стоя под дождём, разворачивал зонт. Никакой другой информации о семейном размещении запись не давала. Марк несколько

раз увеличивал угол, словно под зонтом можно было найти доказательство существования у человека дома.

Он понимал, насколько это глупо. У них тоже показывали новые жилые комплексы, никогда не снимая служебные уровни. Любая страна могла выставить красивую площадь для чужой камеры. Наверняка так и было. Он выключил прибор и пошёл на кухню, но ночью вернулся, включил снова и записал название остановки.

Через три дня в технической зоне узла начались работы. На дверь повесили уведомление о замене персональных допусков. Приставленного дежурного Марк не знал. Пройти по старому разрешению не удалось: система требовала подтверждения начальника смены. Он сказал, что заявка плановая, и ему предложили вернуться после уточнения.

Марк ушёл с таким видом, будто торопился на другую работу. До машины дошёл спокойно, не оглядываясь. Только в кабине понял, что у него мокрая спина. Вспомнил два подключения, записанные как обогрев, и попытался представить, какой разговор уже идёт наверху. Кто-нибудь видел лишнюю нагрузку. Потом сверили время. Потом запросили записи с площадки.

Денис сидел в машине и ел сухое печенье из пакета.

— Не пустили? — спросил он.

— Ага.

— Я утром говорил, ты слушаешь вообще? Там охлаждение меняют. Нам сегодня на шестую ветку. Возьми, а то я всё съем.

Марк взял печенье. Крошки прилипли к мокрой ладони. Новость о замене охлаждения была в общей рассылке, он нашёл её тут же. Официальная заявка, подрядчик, сроки. Он успокоился, затем понял, что это не доказывает ничего, и перестал успокаиваться. До конца смены следил за Денисом: какие тот задаёт вопросы, кому отвечает, надолго ли отходит. К вечеру от этого слежения друг стал казаться незнакомым, неприятным человеком.

На прощание Денис спросил, не болит ли колено.

— Ты с утра белый. Может, сходишь уже нормально к врачу?

Марк посмотрел на него и ответил, что ходит. Денис сунул ему остаток печенья для Тима.

Дома он впервые попытался найти человека, чей сигнал принимал. Не абстрактное изображение из иностранной передачи, а того, кто мог ответить. Для двустороннего подключения требовался передатчик, и его в старом анализаторе не было. Можно было собрать модуль. Понадобились бы три детали из служебного запаса и одна из свободной продажи. Покупку записали бы в профиль. Он открыл магазин, нашёл нужную деталь, долго смотрел на неё и закрыл.

Потом вынул из разобранного детского зверька дешёвый излучатель, осмотрел и положил обратно. Тим спал через стену. В тишине было слышно, как он поворачивается и задевает рукой край кровати. Марк сидел над игрушкой, пока Нина не позвала его ложиться. Она решила, что он опять чинит её для сына, и на этот раз в её голосе было тепло.

Глава 11

На практику Лея пришла в прокатных ботинках. Нина всё-таки успела заказать новые, но размер не подошёл, а вернуть можно было только после осмотра специалистом. На осмотр отвели десять дней. Дочь сказала, что подождёт, забрала из пункта проката другую пару и утром спрятала под брюками потёртый край. Никому на площадке не было дела до того, новые у неё ботинки или нет. Их проверяли на сцепление, точно как предупреждала мать.

Прибор сжал подошвы, выдал допуск. Девочку перед ней развернули: один ботинок держал хуже другого. Она объясняла, что вчера всё работало. Сотрудник предложил воспользоваться исправной обувью. У девочки другой не было. Она стояла за рамкой, прижимая к животу сумку, пока остальные проходили мимо. Лея поймала её взгляд и отвернулась. Пройти назад и спросить, как её зовут, означало бы пропустить собственную очередь.

Внутри было холодно. На учебных изображениях транспортный центр показывали с высоты: светящиеся линии, чистые платформы, серебристые машины. Здесь пахло смазкой и мокрыми подошвами. Вдоль стены стояли шкафы с запасными креплениями. Некоторые дверцы не закрывались, их стянули ремнями. Учебная группа получила одинаковые жилеты, вымытые так часто, что надпись на груди превратилась в белое пятно.

Руководитель практики представился Нолем. Сказал, что им здесь не будут объяснять теорию вместо института. Задача простая: увидеть, что происходит, когда решение на экране перестаёт соответствовать железу под ногами. Лея обрадовалась этой фразе. В ней слышалась настоящая работа, та, за которой она сюда и хотела.

Первое задание было на остановленной платформе. Ноль показывал сцепной узел, просил каждого найти аварийное размыкание. Большинство нашло быстро. Лея помнила схему от Романа и указала на вторую рукоять, закрытую кожухом. Ноль посмотрел внимательно, спросил, откуда она знает старую серию. Девушка ответила, что знакомый работает в логистике.

— Хороший знакомый, — сказал Ноль. — Только не повторяй всё, что тебе показывают. На действующей линии эту рукоять без предупреждения не трогаем.

Он объяснил, почему: при размыкании менялось распределение тяги, соседняя секция получала нагрузку. Лея слушала, не отрывая глаз. Это было интересно, понятно, связано одно с другим. В такие минуты она не думала ни о проверке семьи, ни о маминых деньгах. Хотела только научиться.

После перерыва их привели в зал сопровождения пассажирских маршрутов. Здесь сидели люди перед несколькими экранами. Обычный интернет на этих устройствах не открывался, личных сообщений не было. Только линии, состояния машин, разрешения прохода. Но было ощущение непрерывной жизни, которого не хватало в домашней сети: всё двигалось и отвечало в любое время. Лея подумала, что могла бы работать здесь ночами, если разрешат.

На одном экране остановился пассажирский подъёмник. Причина была выделена жёлтым: группа не подтверждена территориально. На платформе стояли сорок шесть человек. Оператор открыл список, проверил три записи, отправил запрос. Маршрут оставался закрытым. Человек в центре группы поднял руку, будто оператор мог увидеть его сквозь линию на карте.

— А почему остальные стоят? — спросила Лея.

— Общая ведомость, — ответил Ноль. — Пока не разнесут по профилям, группа единая.

— Их можно выпустить?

— Можно. Тогда пересобираешь всю группу. А у нас окно на следующий подъём. Проще дождаться подтверждения.

На экране люди стояли неподвижно, прижатые к ограждению. У одного был маленький ребёнок на руках. Ребёнок тянулся к чему-то за кадром. Ноль показал следующую линию, где задержка уже влияла на распределение машин. Он не был равнодушным. Как раз наоборот:

объяснял, сколько людей не доедет дальше, если сейчас принимать решение только ради одной платформы. Лея кивнула, хотя продолжала смотреть на ребёнка.

Оператор получил ответ, выделил одну фамилию. Мужчина, которому она принадлежала, работал на соседнем предприятии, и новое назначение ещё не синхронизировалось с жильём. Право на дорогу существовало в одной базе и отсутствовало в другой. Для него требовалось ручное подтверждение ответственного.

— Так это не его ошибка, — сказала Лея.

— Никто и не говорит, что его.

— Но его не пускают.

Ноль посмотрел на неё, затем повернулся к экрану.

— Мы не выясняем вину. Мы обеспечиваем соответствие. Не путай одно с другим.

Через девять минут группу пропустили. По меркам линии задержка считалась допустимой. Лея увидела, как оператор закрыл карточку, и вдруг поняла, что за все девять минут никто не сообщил стоявшим людям, чего они ждут. Они просто ждали. Можно было включить сообщение, но тогда кто-нибудь должен был выбрать правильное объяснение, а правильное объяснение требовало лишнего времени.

В конце смены Ноль дал им учебный тест. Две колонки: нарушение маршрута и корректирующее действие. В последнем пункте стояло «пассажир не согласен с решением автоматического контроля». Ответы предлагали повторить проверку, вызвать представителя режима, предоставить пассажиру право самостоятельного продолжения пути. Лея выбрала повторную проверку. Программа подсветила ответ как неполный. При сохранении несогласия требовался представитель режима.

Она исправила. Не потому, что испугалась плохой оценки. В транспортной системе нельзя было оставлять человеку возможность спорить с машиной бесконечно: за ним стояли другие, линии рассчитывались, всё было связано. Лея объяснила себе это и почувствовала, что справилась с чем-то взрослым.

На выходе она увидела девочку, которую утром не пустили из-за обуви. Та сидела в вестибюле, опустив голову на сумку. Не ушла. Лея замедлила шаг, потом всё-таки подошла.

— Тебе выдали другую пару?

Девочка подняла лицо. Щёки были красные, хотя в вестибюле оставалось холодно.

— Не могут. У меня профиль заказа закрыт, пока эти не верну.

— Так верни.

— А как доехать? Сюда без нормального сцепления назад не выпустят на наружный переход. Мне нужно, чтобы кто-нибудь принёс. Мама вечером сможет.

Лея стояла, не понимая. Ботинки были достаточно хорошими, чтобы девочка прошла по ним до центра, но теперь система уже знала, что один не держит, и не могла выпустить её обратно. До восьми мать работала в другой башне. До восьми не было личной связи. На учебной линии разрешили передать уведомление, но оно попадало в утренний или вечерний час получателя, как обычное сообщение.

— А сотрудник не может провести?

— Может, наверное. Только никто не назначен.

Девочку звали Тася. Она поступала на ту же специальность. Лея села рядом, хотя по домашнему расписанию должна была уже уходить к подъёмнику. Сохранила у себя номер её группы, попробовала найти Ноля. Личная связь не работала, рабочий контакт для практикантов открывался только в пределах занятия. Занятие закончилось.

— Я могу твои донести, — сказала Лея.

— А себе что?

Лея сняла один ботинок, показала маркировку проката. Размер не совпадал, разница была почти в два номера. Можно было надеть большие, затянуть потуже. Но вернуть их следо-

вало до закрытия пункта, а за нарушение условий проката удерживали залог. Тася посмотрела и покачала головой.

— Ты тоже не свои купила?

— Наши не подошли.

— У меня вообще не купили.

Это прозвучало без обиды, просто как уточнение. Лея обрадовалась, что не сказала раньше про заказанный размер. Теперь молчать казалось легче, чем объяснять, почему у одних дома лежит лишняя пара, а другая девочка ждёт в вестибюле с утра.

Они просидели ещё полчаса. Тася рассказывала о брате, которого распределили на монтаж верхних оболочек. Он хотел в наземную механику, плохо переносил высоту. Но по тестам оказался подходящим. Теперь спал с включённым светом, потому что в темноте начинало казаться, что кровать движется. Лея спросила, не пробовал ли он поменять назначение. Тася посмотрела на неё с удивлением.

— Как?

Лея не знала. В учебном материале упоминались корректировки траектории, работа с индивидуальными склонностями. Она стала объяснять, но по лицу Таси увидела, что говорит чужими словами. Та не спорила. Только сказала, что брату всё это объясняли тоже.

В двадцать ноль одну пришло сообщение Нины: «Где ты?» Лея ответила, что помогает человеку с обувью. Мать сразу позвонила. Испугалась, спросила, кто там ещё, знает ли преподаватель. Лея сказала, что знает. Это было неправдой. Ноль не знал, а найти его они не смогли.

Мать Таси приехала в двадцать тридцать. Привезла старые ботинки брата. Размер был совсем чужой, но подошвы прошли тест. Тася подтянула ремни до предела, встала и едва не потеряла одну пятку. Её мать спросила, нельзя ли ручное сопровождение, раз ребёнок всё равно целый день просидел у них. Сотрудник показал на зелёный допуск: теперь препятствий для выхода не было. Назначать сопровождение оснований не имелось.

На наружном переходе Тася шла мелкими шагами. Мать держала её под локоть. Лея попрощалась, свернула на свой маршрут и увидела в стекле отражение прокатных ботинок. Они держали хорошо. День назад ей было стыдно за их потёртые края. Теперь она не могла вспомнить, почему это казалось таким важным.

Дома Марк спросил, как практика. Лея сняла сумку, начала рассказывать про вторую рукоять сцепления. Он оживился, попросил схему, предложил показать на детали, которая была у него в ящике. Она почти рассказала про Тасю и её брата. Потом подумала, что отец опять пошутит про разрешение на подошву, а ей не хотелось, чтобы всё случившееся превратилось в шутку. Ответила, что было интересно.

Позже Нина спросила, кому она помогала. Лея назвала имя и объяснила про ботинки. Мать слушала молча. В конце сказала, что в следующий раз нужно сразу звать ответственного взрослого. Лея напонила, что ответственного не было. Нина собралась возразить, потом закрыла рот. Девушка заметила это и впервые за вечер почувствовала, что её рассказ дошёл до человека целиком.

Глава 12

На семейный участок они поехали вдвоём с Тимом. Разрешение пришло неожиданно, на субботнее утро, и действовало только для двух профилей. Нина работала, у Леи была практика. Ехать без них Марк сначала не хотел, потом вспомнил, что следующие свободные места в маршрутном окне могут появиться через полгода. Достал отцовский ключ, похожий на короткую плоскую ложку, и положил в сумку.

Тим никогда не был на этом участке. На фотографиях он видел дом, старый бак, белую полосу грунтовой дороги. Спросил, будет ли там земля, которую можно трогать. Марк сказал, что будет. Сын сразу собрал маленькую коробку, чтобы привезти немного домой для семечек. Нина услышала, начала объяснять про санитарные ограничения, затем махнула рукой. Сказала, чтобы не сыпали в карманы.

Дорога начиналась с обычного подъёмника. Потом они пересели на скоростную платформу, которая вышла из жилого пояса и пошла вдоль пустых сооружений. Тим прижимался к стеклу. Между опорами росли тёмные заросли, над водой стоял белый пар. Марк не знал, туман это или сброс. Сын спросил, и он ответил, что не уверен. Раньше сказал бы что-нибудь сразу.

За городом платформа не ускорилась. Наоборот, шла медленнее, пропуская грузовые составы. Восемь минут до контрольной точки, двенадцать ожидания, затем ещё пятнадцать. Общее расстояние было небольшим, но время складывалось из решений, которых они не видели. В утреннее окно Тим хотел написать матери. Марк открыл терминал и понял, что личный канал здесь не поддерживается: маршрут относился к зоне ограниченного покрытия. Час всё равно шёл. Компенсация за отсутствие покрытия не предусматривалась.

— Мы потом позвоним? — спросил сын.

— Вечером.

— А почему час не остановится?

— Потому что у всех одинаковое время.

— Но у нас его нет.

Марк посмотрел на серый круг связи. До восьми оставалось девятнадцать минут. Система знала их местоположение, право на маршрут, назначение поездки и остаток времени в зоне участка. Но не могла предоставить ему девятнадцать минут в другое время. Или не собиралась. Он сказал, что вечером мать получит сообщение, как только откроется связь.

На контрольной точке проверяли багаж. Коробку для земли потребовали открыть. Тим показал, что она пустая. Сотрудник спросил, зачем. Марк сказал, что для находок. Тот напомнил, что природный материал с территории нельзя вывозить без обработки. Мальчик прижал коробку к груди, будто её собирались забрать. Сотрудник махнул, пропуская.

Дальше шли пешком. Дорожка была проложена между пустыми участками. Не заброшенными: у каждого висел действующий номер, по периметру стояли датчики. Но люди давно не появлялись. Где-то провалилась крыша, где-то повисла старая теплица. Лозы оплетали каркас, росли без обслуживания. Тим хотел подойти ближе. Марк удержал за капюшон, показал границу чужой доли.

— Там никого.

— Всё равно чужое.

— А чьё?

На бирке была фамилия человека, который, насколько помнил Марк, умер ещё при жизни отца. Сейчас участок, вероятно, относился к наследственному фонду. Он мог бы открыть реестр, если бы работала связь. Вместо этого сказал, что надо идти к своему.

Своё они нашли не сразу. Дом на фотографии был больше. Вживую оказался приземистым, с низким крыльцом и дверью, разбухшей по краю. Бак сняли, вместо него стоял новый

распределитель с индивидуальным счётчиком. На стене висело уведомление о передаче технического обслуживания другой организации. Название Марк слышал впервые.

Ключ подошёл. Дверь долго не открывалась, потом поддалась и заскребла по полу. Внутри пахло сырой тканью, землёй и старым деревом. Тим остановился на пороге. Для него всё это было новым запахом, почти неприятным. Марк вдохнул и вдруг вспомнил, как отец утром ругался на сырость, поднимая занавеску. За семь лет отсутствия он успел забыть многое; теперь первыми вспомнились мелочи, которые прежде старался пропускать мимо внимания.

На столе лежал перевернутый таз. Под ним — маленькая кучка сухих оболочек от насекомых. Марк вынес таз на крыльцо, проветрил, поставил сумку. Тим нашёл табурет, проверил, выдержит ли, сел. Спрашивал, где жил дедушка. Марк показал на узкую кровать за занавеской.

— Всё время?

— Нет. Летом. Когда мог.

— А у него тут был робот?

— Не было.

— Он сам всё делал?

Марк кивнул. Сын посмотрел на потолок, на печь, на умывальник, который нужно было наполнять вручную. По его лицу было видно, что жизнь деда представлялась ему тяжёлой и странной. Не свободной. Старший человек жил в плохо устроенном месте и делал то, для чего у них дома стояла машина.

Марк попытался объяснить, что отец любил это. Сказал про тишину, про землю, про то, что можно было посадить что-нибудь своё. Тим спросил, что можно посадить без разрешения. Марк замолчал. Теперь на часть культур действительно требовалась регистрация, чтобы контролировать почвенный режим. Отец сажал те же растения, но тогда Марк не интересовался, какие бумаги лежат у него в шкафу.

В шкафу нашлись бумаги. Доли владения, начисления, заявки на ремонт общей линии. Последним был отказ в переносе водного окна. Отец просил дать воду на час позже, потому что не успевал добраться после смены. Ему объяснили, что окна распределяются по участкам, а не по доступности владельца. На обороте отец записал расходы на новый насос. Купил насос, чтобы набирать воду заранее в бак. Бак потом сняла обслуживающая организация как неучтённый накопитель.

Тим вынес на улицу коробку. Марк пошёл следом, взял маленькую лопатку. Поднял верхний слой почвы, показал корни. Сын присел рядом. Сначала трогал одним пальцем, потом погрузил всю ладонь. Между пальцами застряла влажная земля. Он засмеялся, поднял руку, и Марк вдруг почувствовал такую радость, что на секунду забыл о времени разрешения.

Из-за ограды позвали. На соседнем участке стоял мужчина в защитном плаще. Лицо знакомое, имя Марк вспомнил не сразу: Вадим, сын старого отцовского соседа. Они встречались, когда оба были значительно моложе. Вадим спросил, надолго ли приехали. Марк ответил, что до двух. Тот кивнул, будто другого и не ожидал.

— Воду уже проверил?

— Нет.

— Не пей. У нас вчера обратка пошла. По отчёту промыли, но я бы не пил.

Марк посмотрел на распределитель. Зелёный индикатор горел ровно. Тим поднёс к нему грязную ладонь, собираясь мыть. Марк остановил, достал бутылку. Вадим принёс ещё воды из своей канистры.

— Ты здесь живёшь? — спросил Марк.

— Теперь да. Закрепили по обслуживанию. Удобно: до работы идти две минуты.

Он сказал это так, что Марк не понял, радоваться за него или нет. Вадим спросил про отца, потом вспомнил и замолчал. Марк сказал, что давно уже. Они оба не стали развивать разговор. Тим в это время набирал землю в коробку.

Вадим показал на неё.

— Это лучше оставьте. На выходе проверят.

— Я только чуть-чуть, — сказал Тим.

— Даже чуть-чуть. Там дело не в количестве.

Сын закрыл коробку. Марк увидел, как он оглянулся на отца: будет ли тот спорить. Можно было спрятать в сумке. На контроле, возможно, не заметят. А если заметят, ребёнок увидит, как отец объясняет чужому человеку нарушение из-за горсти земли. Марк попросил оставить пока на крыльце, решил подумать позже.

Они успели вымыть стол и разобрать полку. Нашли несколько фотографий, старый складной инструмент и катушку настоящего медного провода. Марк взял провод, фотографии положил в отдельный пакет. Внизу шкафа лежала детская тетрадь. Его собственная. На первой странице он когда-то нарисовал машину, которая может ехать над любой дорогой. Под рисунком отец написал: «Сначала придумай, где будешь её чинить». Марк показал Тиму. Сын прочёл, засмеялся и попросил забрать.

К двум они закрыли дом. Коробка с землёй осталась на крыльце. Тим поднял её, постоял, затем открыл и высыпал содержимое обратно у ступеньки. Делал это медленно, стараясь не рассыпать на доски. Марк ничего не говорил. Все слова про безопасность были известны заранее и в этой минуте не помогали.

На выходном контроле катушку провода потребовали оформить как вывоз технического имущества. У Марка была доля в доме, но перечня принадлежавшего ему имущества не было. Он объяснил, что провод отцовский. Сотрудник предложил оставить до подтверждения происхождения. Фотографии и тетрадь пропустили, потому что они не относились к оборудованию. Марк оставил катушку на полке, заполнил запрос. Ему обещали сообщить в установленном порядке.

В обратной платформе Тим уснул. Голова падала отцу на плечо, рука держала тетрадь. Марк смотрел на собственную детскую машину. Когда-то был уверен, что главное — сделать её способной пролететь любое расстояние. Расстояние оказалось самой простой частью. Он прикрыл тетрадь, чтобы не помялась, и сидел неподвижно до самого города.

Глава 13

Роман появился в воскресенье, без предупреждения, с настоящим мясом. Сава прочитал упаковку и сообщил, что продукт не соответствует регулярному набору семьи. Роман попросил его расслабиться. Сава уточнил, какую функцию требуется перевести в пониженный режим, и все засмеялись, кроме Нины: она знала, сколько будет стоить случайный выбор.

В молодости Роман был худой, с острыми локтями, и постоянно обгонял Марка на лестницах. Теперь под курткой у него лежало плотное тяжёлое тело, лицо округлилось, волосы он сбривал коротко. Под глазом виднелось бурое пятно, похожее на след недосыпа. Нина сразу спросила о нём. Роман сказал, что уронил на себя крепление, и спросил, где можно вымыть руки.

— Ты бы позвонил, — сказал Марк у ванной.

— Мне дали выходной. Пока доехал, уже полвыходного. Чего звонить? Не пустил бы?

— Я мог уехать.

— Куда?

Они оба улыбнулись. Роман включил воду, сунул под струю запястья и долго тёр кожу. На предплечье была полоса загара с ровным краем. Марк давно не видел у знакомых настоящего загара. Внутренние курортные камеры выдавали ровный цвет, без таких границ.

За столом Лея расспрашивала его о транспортных колоннах. Роман отвечал охотно, пока вопросы касались сцепки платформ, пропускной способности и тяговых модулей. Когда она спросила о повреждениях на западных маршрутах, он набрал в рот салата и показал, что занят.

— Я могу подождать, — сказала Лея.

— Видно, что у вас серьёзное образование.

— Ты же можешь про обычное, без секретов.

— Обычное у нас простое. Чтобы платформа ехала, ей нужен заряд. Чтобы заряд был, нужна исправная станция. Если станции нет, все ругаются и ищут, кто виноват.

Тим спросил, есть ли в армии боевые андроиды. Роман ответил, что есть грузовые, а боевой из любого получится, если уронить его человеку на ногу. Лея засмеялась, потом будто вспомнила, что вопрос был серьёзный, и перестала. Марк заметил, как Роман проверил, закончилось ли на стене обязательное информирование.

После еды Тим потащил гостя смотреть игрушки. Нина убирала тарелки, Лея вернулась к заданию. Роман устроился на полу рядом с мальчиком. Поднимался потом тяжело, держась за стол, и Марк понял, что прибавка в весе объясняла не всё.

— Спина? — спросил он.

— Всё.

Они вышли на переходную площадку между секциями. Там можно было курить у вытяжки; за разметкой начиналась зона штрафа за нарушение воздушного режима. Роман вынул тонкую сигарету, прикрыл огонёк ладонью. Марк не курил уже три года, но сегодня взял предложенную. После первой затяжки захотелось кашлять.

Внизу вели ремонт жилой оболочки. Люди в подвесных люльках двигались вдоль фасада, а выше с ними держался робот, подававший панели. Робот мог установить панель сам; человек направлял её руками, потому что стыковочный узел требовал сертифицированного ручного подтверждения. После подтверждения машина подтягивала крепления и переходила дальше.

— У вас как? — спросил Роман.

— Нормально.

— С деньгами?

— Как у всех.

Роман стряхнул пепел в горловину вытяжки. Из темноты донёсся негромкий предупреждающий сигнал: запрещалось бросать туда твёрдые предметы.

— Могу дать, если надо.

— Не надо.

— Ты сразу не гордись. Мне на этой неделе начислили... Короче, есть.

— За что?

— За работу.

Рядом открылась дверь, вышел сосед с двумя мусорными пакетами. Поздоровался, подождал лифта. Роман наблюдал, как тот прижимает к бедру пакет, чтобы не капало на пол. Разговор возобновился, когда двери закрылись.

— Я сегодня в сети видел ваше судно, — сказал Марк.

Он не планировал этого говорить. Слово «ваше» выскочило прежде, чем он понял, какой именно вопрос хочет задать. Роман медленно повернул голову.

— Где видел?

— В передаче. Фрагмент на проверке поймали. Наше грузовое, с маркировкой. За границей разгружалось.

— И что?

— Мы туда ходим?

— Грузовой обмен. Есть же грузовой обмен. Ты думаешь, они нам запчасти через стену перекидывают?

Марк почувствовал себя глупо. О грузовом обмене сообщали в новостях, о поставках тоже. Враждебные страны поставляли оборудование через посредников, дружественные не упоминались месяцами и возникали, когда нужно было показать договор. Он знал это всё, но никогда не представлял человека, который сходит с их судна на чужую набережную.

— Я думал, после санитарной обработки.

— Груз обрабатывают. Людей тоже. Там не воздух смертельный, Марк.

Роман сказал это негромко и без усмешки. Марк посмотрел на вытяжку. Над ней было написано, что обеспечение чистоты воздуха является обязанностью каждого. Он затушил сигарету в приёмнике, не докурив.

— А ты был?

— В логистике много где бываешь.

— И как там?

Роман упёрся ладонями в перила. На костяшках были мелкие зажившие ссадины.

— Где-то хорошо. Где-то мы уже были.

Снизу ударили по панели, вибрация прошла через ограждение. Один из рабочих кричал другому, чтобы тот не тянул раньше команды. Марк решил, что неправильно расслышал. Можно было переспросить. Он спросил, надолго ли Роман приехал.

— Завтра обратно.

— На запад?

— Куда отправят.

Они постояли молча. Роман выкурил вторую сигарету, хотя первую оставил в приёмнике почти целой. Перед дверью спросил, остались ли у Марка отцовские инструменты. Получив ответ, кивнул, словно проверял случайно вспомнившуюся вещь.

— Хороший был мужик. Один раз мне машину всю перебрал. Денег не взял.

— Я помню.

— Ты, если что, не спеши сдавать старое. Там ремонтпригодное было. Сейчас сплошные запаянные блоки.

Прощался Роман торопливо. Сказал Нине, что мясо от официального поставщика, как будто только сейчас вспомнил её вопрос. Лее обещал прислать разрешённую схему грузового

сцепления. Тиму оставил маленький фиксатор с настоящей военной маркировкой, и мальчик ходил с ним до вечера, цепляя за край футболки.

Позже Нина спросила, не пьёт ли Роман. Марк сказал, что не заметил. Она убирала остатки еды в контейнеры, на завтра получилось почти всё, и настроение у неё было лучше обычного.

— Станный какой-то. Раньше рот не закрывался.

— Устаёт.

— Он у тебя денег просил?

— Наоборот.

Она ненадолго перестала перекладывать еду.

— Ты взял?

— Нет.

— Понятно.

Он хотел спросить, что именно ей понятно, но она уже закрывала контейнер. На прозрачной крышке остался жирный след пальца. Марк понял, что она думала о матери, о перевозке, о том, сколько ещё раз придётся платить. Он мог принять помощь, никто не запрещал. Но тогда пришлось бы признать, что человек, которого он привык считать непутёвым, теперь обеспечивает его семью.

Вечером он снова включил анализатор. Свежая запись получилась длиннее прежних: сорок семь секунд, снятых камерой над кассами чужого автовокзала. Поверх шли значки информационного канала. Мужчина в синей куртке ругался с кассиром, показывая на часы. Внизу работал автоматический перевод, плохой, но понятный. Рейс в соседнюю страну задерживался. Мужчина потребовал другой билет, потом согласился ждать. Позвонил кому-то и сказал, что кошку нужно кормить из второго пакета, от первого её рвёт.

Марк остановил запись. На кассе висел список направлений, под ним мелкие условия покупки. Для взрослого пассажира требовалось удостоверение личности. Не было упоминания трудового разрешения, семейной проверки, территориального допуска или подтверждения отсутствия обязательств. Возможно, всё это оформляли заранее. Он начал искать на изображении вторую рамку, где проверяли бы настоящий допуск, но камера не показывала весь вокзал.

Он пересмотрел сорок семь секунд ещё раз. Кассир отдала билет, мужчина не посмотрел на неё и ушёл. Это особенно мешало: он был груб, недоволен, вёл себя так, словно ничего особенного не произошло. Словно право купить этот билет уже принадлежало ему и кассир всего лишь плохо делала свою работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.